

"Разного пазла части (СИ)"

Читайте больше **БЕСПЛАТНОЙ** литературы
в онлайн-библиотеке
mir-knigi.org

Панченко Юлия.

«Разного пазла части».

От Автора:

Боюсь, что многие после прочтения спросят: «Что ты курила, Юля? Еще есть?». Смеюсь, да, а еще сразу отвечаю – больше нет .

Говоря серьезно, хочу, чтобы Вы прониклись историей. Потому, что она – о том, что вполне может случиться с каждым из нас.

Желаю удовольствия в прочтении, живых эмоций. И мира всем.

Дорожу Вами, друзья.

... Не зеркала вина,

что скривлен рот:

ты Лотова жена

и сам же Лот.

Но это только ты.

А фон твой - ад.

Смотри без суеты

вперед. Назад

без ужаса смотри.

Будь прям и горд,

раздроблен изнутри,

на ощупь тверд.

И. Бродский. (с)

У меня нет когтей и рогов,

и совсем не видно хвоста.

Я не сын чертей или богов,

я могу касаться креста.
Это странно -
но я вампир,
никогда не вкушавший кровь.
С первых дней, как родился мир,
чтобы выжить, я ем
любовь.
Мне не важно, мужчина ты
или женщина. Всё равно.
Нераскрытые лепестки
ваших губ
одинаковы.
Но,
кожа женщины так сладка,
ароматна и так нежна.
Она тает в моих руках,
опьяняет похлеще вина.
Я глотаю чужую любовь,
словно теплый гранатовый сок.
Он стекает с моих клыков
смесью стонов, желаний и слов.
Мои жертвы не чувствуют боль
и всегда остаются в живых.
Отыграв свою жалкую роль,
их сердца
превращаются
в пыль.
Я древнейшее существо,

я прошел сотни тысяч лиг.
Так ответь же мне, отчего,
я споткнулся на полпути?
Ты стоишь у фонтанных чаш,
и в зрачках моих
дикие звери,
замирают.
Ведь ты сейчас
как Венера с картин Боттичелли.
Твои плечи целует апрель,
люди рядом тускнеют и тают.
И мне кажется, что теперь,
это я -
тот,
кого
пожирают.
Я сегодня в последний раз
поцелую твои ладони,
скулы, губы, созвездия глаз.
Пусть в тебе мое сердце утонет.
Ты - ошибка.
И я - ошибка.
Мы столкнулись, и я - горю.
Счастье призрачно, счастье зыбко.
Я люблю тебя.
Я люблю.
Уходя, не смотри назад,
ненавидь меня каждой клеткой.

Я хотел затащить тебя в Ад,
сделать жалкой марионеткой.

Я пойду, поплотней пальто
запахнув,
прикрывая веки.

Ничего нет смешней, чем то,
что я стал слабей человека.

И пока небо сходит с оси,
а луна надевает рубашку,
алчный монстр в моей груди
умирает, сгорая от жажды.

Великолепный Джио Россо. (с)

Вместо пролога.

В этот город не получилось влюбиться. Он был таким же безликим, серым, слегка нелепым, как и пять предыдущих, из которых пришлось уезжать.

Фасады зданий позапрошлого века, украшенные барельефами и винтажной лепниной, уродовали современные кичливые вывески – иногда неоновые, иногда глянцевые, но одинаково безвкусные. Отовсюду рядом с роскошью витражных высоток соседствовала нищета – покосившиеся домишки, хилые хрущевки, заброшенные детские площадки с облупившейся краской на скрипящих каруселях. Старики с протянутой рукой, сидящие прямо на земле, посреди оживленного проспекта. Стихийные рынки, разросшиеся, пустившие корни полосатых палаток прямо в основания архитектурных памятников: там торговали всем подряд, начиная от резиновых галош и заканчивая спелыми крымскими помидорами.

Неуютный город. Чужой.

Думаю, на просторах необъятной родины таких пристанищ – сотни, и все они, как братья-близнецы, вмещают в себя миллионы озабоченных делами, суетящихся людей, одетых в темные, невзрачные одежды. В такие города редко навещаются туристы, потому что там не на что смотреть. Эти селения предназначены для простой жизни, для всех ее неэстетических проявлений. Понадобилась мелочевка наподобие супер-клея, недорогого ножа взамен старенького затупившегося, теплых вязаных носков? Прекрасно, все это можно приобрести прямо по дороге домой (в буквальном смысле), не заезжая в специализированный магазин.

Здесь – в этом стане, небольшая горсть обитателей зарабатывает миллионы, а основная часть потуже затягивает пояса от аванса до полочки. Все, как у всех. Как и везде.

Город-миллионник, с равнодушными ко всему жителями - если смотреть на массу, и чуткими, порой благородными людьми, если разглядывать каждого отдельно. Станица, где легко затеряться.

Последнее обстоятельство было мне только на руку.

Я не выделялась из толпы.

Шла себе, натянув на голову глубокий капюшон, как альтернативу зонту; сунув нос в горловину толстовки, и мысленно напевала простую песенку. Думы скакали непринужденно: от окружающей архитектуры и человеческого фактора, до насущных сложностей.

Мельком глянула на часы, и выяснилось, что до смены осталось всего несколько часов. Поход в ближайшую аптеку за блистером но-шпы внезапно превратился в маленькую экскурсию, где рассматривались дома, встречные прохожие. Поэтому, шаг пришлось ускорить, так как опаздывать я не любила, а путь на работу лежал неблизкий.

Придя домой, первым делом выпила таблетку - в последнее время от глубокого неудовлетворения жизнью, желудок бунтовал и напоминал о себе ноющей, раздражающей болью. Затем приняла душ на скорую руку и начала нехитрые сборы. По сути, я могла бы отправиться на службу так - в джинсах и теплой кофте, как ходила на улицу, но должность требовала укладки волос и аккуратного макияжа, поскольку первым требованием работодателя было выглядеть ухоженно. Оттого, взамен хипстерскому наряду, надела маленькое черное платье - как баланс нарисованному лицу.

Бросила взгляд на часы - время выезжать. В прихожей посмотрелась в зеркало, следуя за одной из дурацких примет. Там отражалась яркая, но кислая на вид физиономия.

Взяла ключи, вздохнула. Вышла.

Говоря по правде, желудку было от чего болеть: мне не нравился город, в который пришлось перебраться по необходимости, не нравилась подвернувшаяся работа. Жизнь вот такая - трусливая, не нравилась.

В тот непростой период, я сама себе до чертиков опостылела.

Так бывает, когда люди бегут от себя. Когда удирают прочь так, что пятки сверкают, а когда останавливаются на мгновение передохнуть, то с ужасом хватаются за голову. Поскольку замечают, что за время отчаянного бега, не сдвинулись в сторону ни на шаг.

Острое недовольство личностью случается, когда люди понимают, что убежать от себя можно только одним способом - пустив пулю в рот.

Со мной было именно так.

Эпизод первый.

Знакомство.

- Ты слишком красива для этой паршивой работы, - проверяя на глаз прозрачность коньячного

снифтера, изрек Антон, – вот пошла бы в фотомодели, или еще куда-нибудь, где надо улыбаться – было бы понятно, но здесь, Славка, тебе точно не место.

- Хватит повторять это снова и снова, - я поморщилась, в неудовольствии посмотрев на бармена, и подумала, что сама знаю, где мне место, а где нет.

Профессию фотомодели терпеть не могла с самого детства, и слушать о ней было выше моих сил.

Антон был единственным приятелем среди здешней публики, поскольку имел не вполне традиционную сексуальную ориентацию (из его рассказов я поняла, что он «би», и сейчас встречается с какой-то супружеской парой широких взглядов). Он не заигрывал и не тянул в постель, не шипел за спиной всякие гадости, какие зачастую приходилось слышать от женщин-коллег. Я же, в свою очередь, хранила тайну и всячески развеивала зарождающиеся в коллективе слухи на его счет, буде такие случались. Да, информация о барменовых пристрастиях хранилась в секрете, потому как наше начальство всякую не традиционность остро презирало.

Стоит сказать, бармен своим brutальным видом походил на стопроцентного гетеросексуала, и мало кто подозревал о тех самых пятидесяти «левых» процентах. Представляю, как удивилась бы Ксения, (одна из здешних сотрудниц, кто посматривал на Антона с большим интересом) узнай, о чем бармен умалчивает. Мне тоже было немного обидно за женскую половину: теряем весьма интересного представителя: симпатичного, рослого, с громким басом и густой бородой. Кто знает, вдруг он окончательно выберет «ту сторону».

Любимой темой для болтовни у Антона являлась моя внешность, и жуткая, по его мнению, неуместность моего здесь труда. Каждая смена начиналась с нудежа, просьб найти работу попримичней, поскольку рано или поздно, но непременно, на мою бестолковую голову грянут неприятности. Какие именно могут случиться сложности, мы оба прекрасно понимали.

Трудились мы в частном загородном клубе, работающем исключительно для скрашивания досуга преуспевающих бизнесменов. Небольшая, но элитная резиденция как раз принадлежала одному из таких мужчин. То ли в карты ее выиграл, то ли на двадцать третье февраля подарил кто – не знаю.

Кое-что перестроив, набрав персонал и постановив регламент, хозяин отправился в кругосветный круиз, оставив управляющим своего дальнего родственника.

Территорию – акров пятьсот, окружал густой смешанный лес, и, выглянув из окна, даже поверить тяжело было, что в нескольких часах езды – стоит металлургический город. Настолько легко дышалось.

Но, если не отвлекаться на пейзажные красоты, работа была грязной.

Большинство из членов элитного клуба джентльменами отнюдь не являлись – богатели в непростые времена, надолго позабыв про рыцарство и самурайский кодекс чести. Потому, разное случалось – и дрались, и под стол заваливались иногда: от выпитого. От скушанного икали больше.

Мне приходилось мотаться по закрепленному залу (каждую смену залы менялись, чтобы не мозолить постояльцам глаза и не запоминаться) с подносом в руках и фальшивой улыбкой на лице, не обращая внимания на пьяные шуточки.

Клуб не был «тусовочным», он считался закрытым, как уже говорила - лишь для мужчин с определенным статусом. В приватной тишине и полумраке «крайнего» зала здесь потягивали коллекционный виски благородные мужи - за неторопливой беседой и парой кубинских сигар. В «среднем» зале любила отдыхать золотая молодежь: парни курили кальяны, краем глаза следя за прелестями танцовщиц, извивающихся в стеклянных цилиндрах по периметру комнаты. Танцевали, кутили. «Ближний» зал являлся вотчиной Антона и считался самым безобидным - в нем располагался бар, и проводили досуг все, кому хотелось общества и обыкновенного живого общения. Пили кофе, коктейли, иногда играли в настольные игры.

Были в клубе еще несколько частных кабинетов, но находились те на втором этаже и имели автономное обслуживание. На третьем уровне располагались гостиничные номера - для утомившихся от праздника, гостей.

Идиллия (если кому показалось) работы официантки не была абсолютной, поскольку проблемы, о которых любил говаривать друг-бармен, возникали, и не так уж, чтобы редко. Пусть публика была при деньгах, порой именно это и делало мужчин особенно настойчивыми, не разумеющими слова «нет». Если уж приставали - то нагло, и самостоятельно отделаться от такого внимания было непросто: хамство делу не помогало, а больших аргументов у нас - девочек официанток, не было. Поэтому рты раскрывать мы не торопились. Ждали.

Стоило ли говорить, что для большей популярности в службу набирали девочек симпатичных. И пусть политика клуба была несколько развязной, открыто сексуальных услуг не предлагалось. Имелись в штате «специальные» девочки, работа которых заключалась в отвлечении клиента от земных проблем: массаж, стриптиз. А было ли кроме танцев и легких прикосновений что-то еще, кто знает. Происходило действие на втором этаже, за плотно закрытыми дверьми. Конечно, слухи ходили разные.

Именно такие девочки не раз и не два спасали мою шкуру, отодвигая неприятности на далекое «потом». Когда очередной распоясавшийся от веселья и атмосферы вседозволенности, клиент, принимался хватать за руки, усаживать на коленки, по зову всевидящих администраторов спешили «специальные». Они ласково улыбались, ненавязчиво оттесняли, нежно проводили ладонями по напряженным мужским плечам и взглядами острыми, быстрыми, из-под густых ресниц показывали, что уже можно уходить. Пока что - такая система работала. И по-настоящему серьезных проблем у меня не случалось.

Кроме напитков и развлечений, гостям предлагались более сытные яства - пусть и приезжали запоздно, обычно отужинав где-то в ресторане, через час-другой им подавались закуски. Со временем меню расширилось, подстроившись под вкусы обывателей, и вместо разнообразных канапе и легких салатов, стали подавать полноценные ужины (или поздние завтраки, кому больше нравится).

Готовили пищу в отдельном корпусе - соединенном со зданием тонким стеклянным коридором. Тоннель этот облюбовал дикий плющ и как завхоз ни старался - избавиться от растения не сумел. В скором времени выюнок опоясал весь переход, полностью лишив того солнечного света. Пришлось дополнительно оснащать коридор дневной подсветкой - ею стали красивые напольные светильники замысловатой формы. И без того не широкий переход стал совсем узким - с большим разносом приходилось протискиваться бочком.

Впрочем, не смотря на все нюансы, работа оказалась терпимой, да и по плечу. В самом деле, кто стал бы трудиться там, где невыносимо? Только Антон тонкостей людской психологии не понимал - твердил заученно, что не место мне здесь, среди богатых, развязных и знаменитых.

Сейчас мы находились по разные стороны стойки – я набирала силы перед сменой: сидела на высоком стуле, пила чай и покачивала туфлю на кончике пальцев, Антон натирал тряпицей бокалы – тоже, как мог, готовился к работе.

В чашке напитка осталось на доньшке – не больше глотка, когда подошел Максим – старший администратор (тот самый хозяйский родственник). На его серьезном – в любое время, лице, промелькнула досада.

- Слава, переодевайся, заменишь сегодня Веру на втором этаже, – вертя в руках мобильный, сказал Максим.

- Что случилось? – подняла бровь я.

Девочки, закрепленные за приватными кабинетами на втором этаже, за место свое держались разве что не зубами. Постояльцы – в большинстве своем почтенные старички и дельцы, что не переставали зарабатывать миллионы, даже отдыхая или почивая, оставляли чаевые, которые легко покрывали нашу месячную заработную плату.

- Руку сломала по пути на работу. То ли кто-то на мопеде в нее врезался, то ли она затормозить не успела, я так и не понял, она от боли кричала сильно, – ответил Максим.

- Конечно, хорошо, – ответила в замешательстве, подумав, что случись такая беда со мной, о работе думала бы в самую последнюю очередь. – Есть ли что-то, что стоит знать об особенностях труда на втором этаже?

Максим улыбнулся кривовато, кивнул, прося проследовать за ним, и зашагал в сторону комнаты отдыха для персонала, где мы переодевались, буквально валясь с ног после смены.

Я встала со стула, громко стукнув каблуками по паркету, протянула чашку Антону, что замер, слушая новости и уперев одну руку в бок.

- Вот, они – неприятности! Черт возьми, Слава, смотри, не глупи там, – пробасил друг, забирая из рук чашку.

- А ты не каркай, – показав ему язык, пошла следом за администратором.

Пока переодевалась в униформу – строгое черное платье до колен, с обшитым крупными бусинами белым воротом-стойкой: на подобии монастырской рясы, Максим проводил инструктаж касаясь поведения.

- Быть вежливой, но без приторности, не быть назойливой, но неслышно находиться поблизости, если вдруг гостю что-то понадобится. Будешь не нужна – отошлет сам. Но и тогда не уходи далеко, в случае, если он передумает, тебя вызовут. Не хами, хотя это и так прекрасно знаешь. Улыбайся, но не так широко, как обычно – этот твой оскал больше напоминает акулий.

Инструктаж не впечатлил – сказанное знала наизусть. Ну и хорошо – подумала, снимая каблук и обувая замшевые балетки, – никаких «особых» знаков внимания оказывать не требуется, а остальное не так уж и страшно. Привыкла, так как варилась в этом котле уже несколько месяцев.

Максим еще несколько минут напутствовал меня, всячески давая понять, что если возникнут вопросы – лучше позвонить и переспросить, чем наделать глупостей самостоятельно. Я кивала в такт, как китайский болванчик, и переминалась с ноги на ногу, в нетерпении приступить –

любопытно было.

Второй этаж – святая святых, представлял собой длинный коридор, разветвляющийся от большой библиотеки, куда я заглянула в первую очередь.

Комната была поистине огромная, с интересным освещением, уютными приватными нишами и безмерным количеством книг. Стеллажи подпирали потолок, и в углу стояла специальная лесенка, по которой можно было вскарабкаться, если понадобившийся том недостижимо покоился на верхней полке. Думаю, за книгой вряд ли лазил бы гость. Скорей всего он дернул бы вон за тот красный шнурок с золоченым колокольчиком и это сделал бы кто-то другой. Я, например, если бы это был мой участок.

В библиотеке помимо книг, нашлось место бильярдному столу – он занимал пространство у южной стены, но поставили его временно, о чем стало известно из разговора коллег. В игровой комнате по соседству, где постояльцы предавались спортивному азарту, на этих выходных шлифовали паркет, и пыль коромыслом стояла. Из вентиляции как раз лаком потянуло – видимо, пол в бильярдной не успел просохнуть.

Время на осмотр имелось – постояльцы обычно съезжались к семи, а времени было четверть шестого, поэтому я не страшилась быть застигнутой. Ходила себе, жмурилась от застывшей в воздухе книжной пыли, вдыхала приятный запах свежеекрашенных полов, думала о всяком.

Впрочем, вскоре любопытствовать надоело: обстановка мало чем отличалась от первого этажа – никаких особых изысков не обнаружилось. Позолота, беж, мореное дерево, пушистые ковры, покрывающие паркет. Кованые дверные ручки и лепнина на потолке. Все дорого и со вкусом подобрано.

Кабинет, который временно перешел под мое шефство, находился в самом конце западного крыла.

Я крутила ключ на пальце и шла по коридору, слегка пританцовывая. В голове засел надоедливый мотивчик, от которого было невозможно отвязаться. Услышать его было негде, кроме как в баре у Антона. Там песенки крутились по телевизору круглые сутки.

Изредка встречающиеся на пути девчонки, оказывались знакомыми, но только мельком – дружбы мы не водили. Да и как водить, если коллектив здесь больше смахивал на серпентарий. Коллеги жадно всматривались в мое лицо, наверняка, силясь понять – на постоянную работу перевели, или так – на раз Верочку сменить. И если навсегда – будут ли от меня неприятности.

Я и сама не знала, чем обернутся перемены.

Сам по себе кабинет был именно кабинетом – с широкой софой у левой от входа стены, французским окном прямо по курсу, парой кресел вблизи стекла и главой интерьера – массивным столом, стоящим справа.

Как водится, пол устилал ворсистый палас, окно открывало обзор на густой смешанный лес и небольшое озерцо чуть южнее деревьев. Зажигались фонари у воды, освещая выложенную мозаикой дорожку к озеру, поднималась практически полная луна – маленького кусочка ей недоставало, надкушенная висела, и вид открывался красивый.

В комнате пахло кофе и дорогим табаком – полагаю, тут долгое время отдыхал один и тот же гость, и запах успел вьесться.

Осмотрелась, проверила поверхности на наличие пыли, которой не оказалось. Включила кондиционер, замаскированный под картину с загадочной незнакомкой. Лицо нарисованной женщины скрывала черная широкополая шляпа с пышным атласным бантом. В руке, изящно поднесенной к лицу, она держала длинный деревянный мундштук, украшенный замысловатой резьбой. В нем тлела коричневая сигарета, испуская тонкий дымок, а из-под тени полей головного убора виднелись губы: пухлые, алые, насмешливые; да кончик капризно вздернутого носа. Картина мне понравилась.

Зажгла бра, не став включать верхнего света – полутьма показалась более выигрышной, к месту в этом кабинете.

Остановилась у окна.

До чего красивый вид открылся – дух захватило. Бледная луна, почти касающаяся круглым боком острых кончиков елей, парок, поднимающийся от воды, причудливой формы блики от света фонарей на воде. Тишина.

Обычно в это время носилась колбаской вокруг столов, и не хватало времени остановиться, полюбоваться. А если и удавалось, то привычный пейзаж казался блеклым. Тут же – светило ночное взошло, ракурс поменялся, и сердце засбоило. Показалось, что грядет что-то... сильное, что изменит реальность. И пусть я никогда не отличалась излишней фантазией и шалым воображением, (мнила себя девушкой здравомыслящей), эта внезапная вспышка не принесла удивления.

Интуиции своей привыкла доверять.

Может, в лотерею выиграю. Или решу переехать на Камчатку.

А вид из окна – просто вид. Луна всегда меня очаровывала.

Вздыхнув и оглядевшись еще раз, я вышла, оставив дверь плотно закрытой, но не замкнутой.

Пока что, работа на втором этаже (неторопливые полчаса) приносила только удовлетворение.

Наведавшись на кухню – больше по привычке, чем по надобности, вернулась на рабочее место минут через двадцать. Стукнув для верности по крепкой двери, вошла.

Свет был таким же приглушенным, мягким, каким я его и оставляла. И сперва показалось, что в кабинете все еще никого нет: тишина стояла, и за столом никого не обнаружилось. Но потом я ощутила более резкий запах того самого заморского табака и разглядела в полумраке мужской профиль, выделяющийся на более светлом фоне окна.

Мужчина водил зажатой пальцами сигаретой по губам, мешая рассмотреть черты лица. Дым клубился вокруг его головы – создавая на мгновение причудливый ореол, а затем растворяясь в воздухе.

Неслышно затворив за собой дверь, вошла в кабинет. Мягкий ковер скрадывал шаги, но мужчина все равно почувствовал мое присутствие – обернулся, отняв руку от лица. А я в некотором смущении остановилась – нехорошо было подкрадываться к гостю – дурной тон и неправильное начало работы. Очнувшись, скупно улыбнулась – именно так в моем представлении должна улыбаться обслуга. Вроде бы не ослепительно, и не по-акульи. Скромно.

- Доброго вечера, господин Панов, меня зовут Мирослава, и сегодня я буду вас обслуживать.

- Где Вера? - не оборачиваясь полностью, а сидя вполоборота, лениво спросил мужчина.

Голос у него оказался низким, мне даже прокашляться захотелось.

- К сожалению, по личным обстоятельствам, - только и успела ответить, как гость перебил:

- Ясно. Кофе мне - черный, без сахара. С корицей и мускатным орехом.

- Что-нибудь еще? - спросила я, продолжая скупно улыбаться.

- Пока нет, - сказав, отвернулся, затянувшись глубоко, и враз обо мне позабыв.

Наверное, о возвышенном думал, а я мешала. Да, впечатление гость произвел, но такое, как и остальные гости, встреченные в этом месте: не очень приятное. Вроде бы и не сказал ничего плохого, да только захотелось разнос медный на его голову с размахом опустить.

В баре оказалось полно народу, но все собрались вокруг столика с шахматистами, остальной зал пустым остался. Мужчины молчали, подбородки потирали сосредоточенно, разглядывая резные фигурки. Как на мировом турнире - серьезные, насупленные даже, лица.

Антон создавал видимость работы - натирал и без того кристально чистые бокалы и одним глазом посматривал на экран телевизора, что висел аккуратно над головами соревнующихся.

- Ну что, - оживился бармен, увидев мое немного недовольное выражение лица.

- Черный, без сахара, со специями, - скопировала тон своего капризного гостя.

Антон улыбнулся в бороду и принялся перемалывать зерна, не забыв, впрочем, поприставать:

- И почему скисла? Верка обычно как новенькая монетка сияет, а ты вон - даже не улыбаешься.

Знал бы он, как надоедает улыбаться по десять часов к ряду, глупостей бы не спрашивал.

Но, болтать было лень, поэтому молча забрала заказ и отправилась к клиенту.

Господин Панов сидел, в той же позе, правда, уже без сигареты. Продолжал думать о важном, надо полагать.

Поставив чашку на застеленную тканевую салфетку, я принялась сервировать стол: орешки в меду, сыр, просоленные, тончайшие полоски лаваша.

- Я сказал - только кофе, - услышала прямо за спиной.

Распрямилась, обернулась. Встретилась с прохладным взглядом голубых глаз.

- Это обыкновенная подача, - пожала плечами в ответ. - Если хотите, уберу.

Панов молчал, смотря на меня без удовольствия. А мне сделалось досадно - сказано же было, не занудничать и не приставать.

- Простите, - нарушила я тишину, и повернулась с намерением убрать со стола лишнее.

- Пусть будет, - остановил мужчину, властной интонацией в голосе.

Обошел стол и устроился в кресле, продолжая меня разглядывать – и не скрывая интереса.

- Новенькая? – пригубил напиток, довольно откинулся на высокую спинку.

- На первом этаже работаю, - ответила я. – Желаете ли еще чего-либо?

- Сядь на диван и помолчи, - был ответ.

Я опустила глаза, обернулась – мельком оглядев софу, приблизилась к ней и села.

Панов Руслан Игоревич – от злости вспомнилось имя с отчеством (Максим говорил их, когда я переодевалась) был вполне симпатичным мужчиной лет сорока. Высокий, поджарый, он носил зачесанные назад волосы – густые, темные, только у висков успевшие засеребриться от седины. Прическа выгодно открывала высокий лоб. Скуластое лицо на щеках поросло густой щетиной, добавляя Руслану Игоревичу немного бандитского виду. По крайней мере, мне так показалось. Перехватив мой изучающий взгляд, мужчина зыркнул из-под темных бровей, что делали его бледные глаза на вид еще более прозрачными, а я перестала пялиться.

Мнение о нем складывалось неоднозначное: с одной стороны – привлекательный мужчина, при росте, фигуре, с интересным лицом, а с другого ракурса – не улыбочивый, что портило приятное впечатление, грубоватый. Впрочем, каким еще быть человеку богатому, знающему себе цену?

- Сколько тебе лет? – спросил мужчина, махом допив кофе и отставив чашку в сторону.

Можно было встать и уйти, проигнорировать вопрос, но в мои планы не входило остаться без работы, хотя, если положить руку на сердце сказать – не особо ею и дорожила.

- Двадцать пять, - поднялась, прошла к столу, поставила на разнос чашку, приборы, нетронутые комплименты.

Я не хотела знать, для чего он интересуется. Все, что мне было нужно – спокойно отработать смену.

- Я не отпускал тебя, - гость не дал забрать посуду, - сегодня кроме кофе мне нужна компания. Ты – как раз подойдешь.

Антон как в воду глядел, предрекая неприятности. Или накаркал – что было более вероятно. Для чего подойду? Для чего в принципе я могу подойти?

- Оставь в покое посуду, - приказным тоном молвил Руслан Игоревич, отвлекая от мыслей. – Мы спустимся к озеру. Я хотел бы искупаться.

Плохая идея – хотела сказать, но промолчала. Какое мне дело до причуд богатеев? Хочет, может брасом озеро вдоль и поперек исплавать. Лишь бы меня за собой в воду не тянул.

Мы покинули клуб через боковую дверь для прислуги. По пути не встретилось никого из персонала – видимо, залы на первом этаже уже битком забиты и работы невпроворот. Мужчина уверенно шел впереди, я топала следом. Он ни разу не обернулся, должно быть, твердо зная, что никуда я не денусь.

На улице было тепло – но не настолько, чтобы купаться. Градусов пятнадцать, не больше. Ступив на мощеную мозаикой аллею, Руслан Игоревич остановился и подождал, пока я поравняюсь с ним.

Через несколько минут пришлось признаться, что с выводами я поторопилась: в балетках на тонкий чулок, с коротким рукавом платья было холодно. Я обхватила себя руками и постаралась расслабиться. Получалось так себе.

- Замерзла? – обернулся Руслан Игоревич, хотя ему полагалось гордо шествовать впереди и не помышлять о таких пустяках, как сохранность тепла в организме прислуги.

Так было бы правильно. Потому что если бы и правда, о чужом здоровье думал – дал бы одеться.

- Да, прохладно, - не стала лукавить.

Да и толку. На улице не лето, чтобы с коротким подолом разгуливать.

- Сейчас согреешься, - пообещал страннейший, из всех странных, виденных мною гостей клуба, и ускорил шаг.

Чем грозил ночной променад – легкой простудой или воспалением придатков, я не знала и могла только гадать. Но, минут через пять и правда согрелась, поскольку мужчина скрылся за поворотом и чтобы нагнать его, понадобилось ускорить шаг.

О возвращении в теплое нутро клуба думалось, но бросить гостя на улице одного казалось грубым. И пусть в тот момент злилась, костерила свою услужливую, раболепную должность, упрямо шла вслед за мужчиной.

За поворотом Руслана Игоревича не оказалось. Оглядевшись, я не заметила мужчины ни на тропинке, ни за кустами шиповника, что рос по бокам от дорожки. Чертовщина – подумалось. Не мог же он просто взять и исчезнуть.

Я прошла к озеру, что темным зеркалом поблескивало поблизости. Ни на берегу, ни в воде – никого. Прочесала взглядом окрестности, но в скором времени вертеть головой надоело – гостя не было нигде.

Ладно, - подумала, намереваясь подождать минуту, может, отошел по нужде. Или таким своеобразным способом шутит.

И кто кого бросил, спрашивается.

Луна сместилась, и на водной глади ее мерцания осталось немного: посеребрила вскользь бликами и поплыла себе дальше.

На том берегу покачивалась у причала лодка, хотя вода не волновалась – стояла. С чего бы ей плескаться, если кругом ни ветерка, ни течения. Глядя на покачивающийся мерно ялик – как метроном такт отбивает, так и он ритмично в воде болтался, мне вдруг сделалось жутковато.

Сразу и лес за озером зловещим показался, хотя нас овальная водная гладь разделяла. Подумалось, что в таком густом, старом высокоствольнике и волки водиться могут, да и пострашнее что – как знать.

Словно услышав мысли, в испуге родившиеся, мироздание забавы ради решило до приступа нервического довести: прямо на моих глазах из леса зверь выбрался. Крупнолобый, мослатый. Желтоглазый.

С лапы на лапу переступая, добрался до воды, нагнулся, чтобы попить и зыркнул исподлобья. Расстояние между нами было – метров двадцать воды, но казалось, что рядом стоит, рычит. Боялась, что моргну, а зверь в озеро кинется.

Оскалился, хоть я, замерев, стояла, боясь пошевелиться. Ноги тяжестью налились, невозможно было и шагу в сторону ступить. Когда же зверь лакать принялся, на мгновение из виду меня, выпустив, на сырую землю присела.

То ли собака, то ли и вправду волк – пил жадно, язык розовый так и мелькал. Для пса он был слишком крупным, да и окраса нехарактерного – снежного, а для лесного хищника – лапы показались мелковатыми. Впрочем, чтобы впечатлиться, мне хватило и величины, и широты конечностей.

Напившись, зверь сел копилкой у воды, и морду поднял, на луну поглядывая. Он еще только думал – выть или не выть, как я все сказки об оборотнях вспомнила. А вспомнив, подумала – какого черта вообще тут делаю: у воды, одетая не по погоде, ночью. И куда гость подевался?

Вот тут-то и раздался вой: долгий, пронзительный, кровь леденящий.

Сердце заколотилось стремительно, в висках пульсом застучало.

- Согрелась? – на плечо опустилась тяжелая рука с перстнем на безымянном пальце, и как в замедленной съемке я голову подняла, чувствуя как на затылке волосы приподнимаются.

- Определенно да, – ответила Руслану Игоревичу, непонятно откуда взявшемуся.

От испуга сердце кровь разгоняло – будь здоров.

- Отходил ненадолго, – пояснил он, не дожидаясь вопроса. – А тут, гость?

Кивнула. Странно было говорить с VIP-клиентом, устроившись на траве, глядя, как он присаживается рядом: поднимает небрежно штанины, чтоб под коленями не жали, хмурит лоб, глядя на зверя. А тот – воет. Самозабвенно. И от звука протяжного этого, на руках волоски встают дыбом. И атмосфера вокруг дивная: мистично, будто и не стоит большой дом позади: в какой-то сотне метров, словно люди из плоти и крови не отдыхают там праздно и шумно.

- Волк? – не отводя взгляда от животного, спросила.

Страх не отступал – иррациональный, непонятный. Изматывающий.

- Вряд ли, откуда им тут взяться.

Это было верно. Неоткуда.

- Не похож на собаку, – недоверчиво протянула я.

Зверь, утомившись, выть перестал. Снова к воде пригнулся и принялся лакать.

Руслан Игоревич плечами пожал и тему поддерживать не стал.

- Купаться будешь? – повернулся ко мне, глаза лукаво прищурил.

И глядя в лицо гостя, отмечая мельчайшие морщинки у глаз, искорки веселья на дне зрачков, я перестала удивляться его странным прихотям. Пожалуй, человеку недостает острых

впечатлений, новизны, драйва. Вот и потащил на озеро купаться. В середине октября.

- Нет, холодно.

- И я передумал, - кивнул Руслан Игоревич, поднимаясь. - Идем назад. Слоек захотелось с яблоком, как их нынче - штруделем называют? Вот их, и чаю терпкого, сладкого, - прицокнув языком и странным образом смахивая на благородного шляхтича, гость накинул мне пиджак на плечи и устремился вверх по мозаичной тропинке.

Заказ принят - подумала я. И слюну сглотнула.

В тепле разморило. На кухне пар валил из кастрюль, дымил чайник. И в сон клонить стало: пока разнос к кабинету несл, едва не зевала, а ноги ватные передвигались еле-еле. Каждый шаг с трудом давался.

И зачем только к озеру повел? Что бы спрятаться, а потом напугать до полусмерти? Точно так - ведь купаться в итоге передумал. Да и кто вообще в озере купается, если бассейн есть.

Странные причуды у богатых.

В кабинете дым сигаретный застыл, хоть топор вешай. Оставив яства на столе, я замахала руками, ища пульт от кондиционера. Дама в широкополой шляпе продолжала улыбаться - загадочно, с непонятым намеком. Пульт нашелся на подлокотнике одного из кресел. Во втором, вытянув длинные ноги, отдыхал Руслан Игоревич.

- Прошу, - повела рукой я, приглашая к столу.

- Отчего же одна чашка? - устроившись, поинтересовался гость.

И стоило принять этот вопрос за приглашение, да вот только:

- Нам не положено с гостями за стол садиться и запрещено на угощение соглашаться.

- А я мнением твоим и политикой заведения не интересовался, - «показал зубы» гость, - неси.

И я принесла.

Стараясь сбросить дрему, поставила фарфоровую кружку - близняшку той, из которой пил чай Руслан Игоревич, на стол. И стоять осталась.

- Садись, - подвинул блюдце со слойкой, и чаю из заварочного чайника налил. - Вижу, что устала.

Не став спорить, присела напротив. Удивительно, но сегодняшний вечер вымотал как никогда. Десятый час пошел только, обычно в это время самый пик работы, а сегодня - прогулка на воздухе и только, но, сколько сил она забрала.

И энергии.

Чай был ароматным, терпким, как клиент и заказывал. Я такой напиток тоже любила. Чтоб горечи слегка - на самом последнем глотке, на кончике языка, и послевкусие чтоб цветочного разнотравья.

- Утомил тебя, Мирослава?

Ответ на этот вопрос мог очень не понравиться моему начальству, поэтому просто улыбнулась. Скромно, уголком губ, чтоб понятно стало – утомил.

- Красивая ты девушка, я сказал бы – шикарная,- продолжил мужчина, и на этом изречении сон от меня немного отступил, в голове прояснилось на мгновение.

Приставать станет? Поэтому чаем поить принялся и комплиментами задабривать?

- Никаких намеков, - угадывая мои мысли, Руслан Игоревич поднял ладони вверх и улыбнулся.

Оказалось, что на одной щеке у него ямочка - мило, весьма мило.

Веки снова потяжелели.

Последней мелькнувшей в сознании мыслью, которую я успела расслышать: какая удивительная вещь - эти колдовские глаза напротив. Нечеловечески желтые. Золотые почти, с черными крапинками по контуру, а ведь только что голубыми были.

Проснулась не в кресле – на диване. В шею неприятно, до боли впилась бусинки, какими расшит был воротник униформы.

Рассвет близился – сквозь стекло пробивались первые, еще робкие лучи не солнца даже, света. Огляделась. На столе убрано – грязные чашки аккуратно на разнос поставлены, салфеткой накрыты. Кондиционер выключен, а окно приоткрыто. Потянула носом, вдыхая влажный, сладковатый воздух. В теле, не считая затекшей шеи, легкость, невесомость почти оказалась – как после полноценного отдыха: спа-процедур, массажа, десятичасового сна. А на деле ведь – на пару часов прикорнула. И странно как! Не потревожил никто, не выгнал: ни персонал, ни Руслан Игоревич.

Встала, потянулась до хруста. Нашла деньги в валюте зарубежной, зажатые между разносом и блюдцем с нетронутой слойкой. Много – обычно мне и четверти от этой суммы не оставляли.

Но странности на этом не закончились.

Девочки, встреченные на первом этаже, смотрели искоса, с завистью. Будто чем насолить успела.

Антон – усталый, с красными глазами, подмигнул и скривился, когда я мимоходом кофе попросила – выпил, небось, за ночь чашек семь-восемь, вот и подташнивало.

А Максим, перехватив за руку у комнаты отдыха, сказал, что пока Вера лечится – за мной закреплен кабинет. И Руслан Игоревич вместе с ним. Сказал, что гость хвалил мою деятельность, принципы и преданность политике клуба. Администратор улыбался и в глазах его застыло одобрение – дескать, кто же учил.

Я послушала управляющего, покивала, силясь уразуметь – новости по душе пришлись или не так чтобы очень.

Домой приехала к семи часам. Пока смену сдала, пока в магазин заехала – в холодильнике, поди, шаром покати, вот и пришлось по супермаркету побродить. А еще, попробуй, выбери – чего желудок просит, если в том самом желудке кроме сладких слоев ничего существенного за

сутки не побывало. Словом, долго возилась.

Во дворе заперла старенькую «десятку» и, нагрузившись пакетами направилась к подъезду.

Возле дверного звонка, всунутый в зазор, меня ждал сложенный вчетверо лист плотной бумаги. Показания холодной воды – подумала было, но нет, из ЖЭКа писали на вырванном клочке тетрадного листа, почерком неровным, на этом же тисненном великолепии значилось каллиграфически, с завитушками: «Позвони ему, он волнуется».

Черт возьми!

Скомкала письмо и сунула в карман – по чистой привычке не бросать мусор на пол.

По старинке, значит, достать решил. Если не отвечать на смс и электронные письма, в расход пойдет дорогая бумага. Впрочем, дражайший родственник никогда на мелочи не скупился.

В квартире пыли скопилось порядком – когда только убиралась в последний раз? Все некогда: работа или лень. Можно было бы сегодня заняться – и внимание на грязь обратила и временем располагала, но...

Пока готовила нехитрый завтрак: горячие бутерброды, думала о новом витке в работе. Колоритный Руслан Игоревич никак из сознания не выветривался. Многогранный персонаж – бесцеремонный, грубоватый, но по-своему заботливый: чаем напоил, спать уложил. Правда, большой вопрос, отчего вообще в сон клонить стало. Перед начальством вот похвалил – тоже плюс. С чего бы, только. Добрые и бескорыстные дела с давних пор не внушали доверия и веры, людям их совершающим, не было никакой.

Вымыв посуду, и присев за стол с намерением в спокойствии выпить кофе, а после приняться за дела, вспомнила о записке.

Вытащила из кармана лист, перечитала. Поморщилась.

Позвонить и правда стоило, только лишь потому, что с родственника станется приехать лично. Избытком гордости, в отличие от меня, он никогда не страдал, и являлся тогда, когда ждала меньше всего. Иногда спустя месяц с последнего звонка, иногда через год. А звонил раз в неделю – узнать, здорова ли, все ли в порядке.

Его забота бесила меня.

И все же, слушая гудки, сердце забилося – сильно, руки похолодели. Не знаю, чего мне хотелось больше – положить трубку до того, как он ответит, или услышать его мягкий, вкрадчивый голос.

- Здравствуй, милая, - ответил он, когда я уже не чаяла дозвониться. – Рад, что ты перестала бунтовать.

Ну, это спорное утверждение. Рано обрадовался – хотела сказать, но передумала: спорить с ним, что дуть на ветряную мельницу.

- Со мной все хорошо, приезжать не надо, - буркнула неприветливо.

- Расскажи мне новости, - попросил родственник, - ты давно не звонила.

Поставив локти на стол, я прикрыла глаза свободной ладонью. Тяжело разговор давался.

Тяжко.

- Всё как всегда, - голос некстати охрип, кашлянула.

- Когда мы виделись последний раз, ты ездила на мотоцикле и носила серьгу на брови, - почувствовала, как он усмехнулся. Горько. - Всё так?

Я потерла заросший, белесый шрамик под правой бровью, покачала головой - как давно это было. Неужели мы столько не виделись? Кажется, будто совсем недавно он приезжал, кричал, хватал за руки и обещал увезти, если не образумлюсь.

- Нет, я купила машину.

- Нашла работу? Деньги со счета ведь не снимала, - утвердительно сказал последнее, но я представила, как он бровь приподнимает и склоняет голову на бок. Любопытствуя.

- Да, нашла.

Слышать его голос было невыносимо. Он возвращал меня в прошлое, и годы, прожитые без него, как шелуха разлетались, будто и не было их.

Сердце продолжало неистово колотиться.

- Мне волноваться?

Лис. Хитрый лис. Знал ведь - и где работаю, и кем.

- Нет.

- Хорошо.

Не было ничего хорошего ни в нашем разговоре, ни в наших жизнях, от которых мы бесконечно устали. Моей реальностью стали частые переезды, томление в съёмных, чужих квартирах, регулярные смены внешности, мест работы - наивная глупышка, все убежать пыталась.

Его реалиями являлись роскошь, комфорт: блеск натертых воском поверхностей, золоченые статуэтки, тончайший фарфор. Власть, которой он совершенно не дорожил, но, она все равно плыла к нему в руки, льнула, а Фортуна - предательница, улыбалась все шире и шире. Он видел забавную игру, в том, чтобы находить меня. Снова и снова. Звонил на новые номера, едва я покупала сим-карту, отправлял электронные письма, иногда содержащие только глупые смайлики. Приезжал. И стоило мне глянуть в глазок, как сердце в пятки проваливалось.

Помолчали. Сказать хотелось много, закричать, чтобы в покое оставил. Да только знала - не оставит. Пока жив кто-то из нас, фарс будет продолжаться.

- Мира, - позвал, как только он звать умел: хрипло, сладко.

По коже мурашки побежали от зова, от слов несказанных. Тайных.

- Мне пора, - опустила голову на прохладную столешницу, губу закусил, чтоб не расплакаться.

- Позвони в срок, не затягивай. И да, касаемо соседа с первого этажа - если он еще раз пригласит тебя на свидание, я прострелю ему колени. До скорого.

Отбросила трубку прочь, словно она вдруг раскалилась.

Отчаянно рассмеялась.

Только что, в очередной раз, мне дали понять, что не просто присматривают – следят.

И, не стоило с насиженного места срываться, подстригаться, делать лишние движения. От возлюбленного все равно не скрыться.

Такая вот иллюзия свободы, мать ее.

Мне было четырнадцать, когда мать вышла замуж второй раз. Она оставила память о светлом образе отца в прошлом, отказалась от семейных фотоальбомов и нагоняющих уныние поездов на кладбище, заменив это свежим бракосочетанием, связанными с ним хлопотами.

«Мне слишком больно, нужно отвлечься» говорила родительница, закусывая губу.

Она поглядывала на меня все реже и реже, словно одним только видом я причиняла ей неудобства. «Ты слишком на него похожа» полюбила она говаривать после похорон. Кривила губы и уходила прочь, растирая виски пальцами, будто бы те принимались болеть.

Я не верила в ее скорбь, потому что та отдавала позированием и шаблонностью фраз. Разница между нами заключалась в том, что я выла ночами в подушку, заламывала в отчаянии пальцы, мать же ходила по магазинам, подбирая очередной вдовый наряд, а принимая многочисленных гостей, утирала совершенно сухие уголки глаз шелковым платком.

Папа умер молодым, внезапно. В один из дней привычно пошел на работу, где ближе к вечеру у него случился обширный инфаркт. До больницы не довезли.

Новый материн муж был на шесть лет ее младше, но в свои двадцать восемь уже имел приличный капитал, шикарный загородный дом, куда мы переехали. Наверное, ей льстили его богатство, молодость, и сам факт, что в жены он выбрал ее. Стоило признать, смотрелись они ровесниками и тот факт, что никто не подозревал о материнном возрасте, тоже тешило ее самолюбие.

Тот период жизни был мрачным. Я тосковала по отцу, от горя и юношеского максимализма ввязываясь в неприятности. На мать и ее прохладцу было плевать – привыкла. С ранних детских лет мной занимался отец, пока она ездила на съемки, показы, дефиле. А вот предательство ее – в виде замужества, отозвалось протестом. Я нарочно ввязывалась в дурные компании, курила травку, орала глупые песни (из репертуара «Сдохни, сука, сдохни!») на пару с такими же никому не нужными подростками. Мы с ней никогда не ладили. Наверное, поэтому я не надеялась быть услышанной и бунтовала исключительно для себя – только для того, чтобы знать: я не смирилась с ее предательством.

С самого раннего детства запомнилось, что ее никогда не было рядом.

Помню, как спрашивала по несколько раз на дню: «Где мама?». Отец же, придя с работы и отпустив восвояси очередную няньку, усаживал меня на одно колено и терпеливо объяснял – мама трудится. А я – тут он щелкал меня по курносому носу, – должна быть самостоятельной девочкой и если соскучилась, потерпеть, а если совсем уж невмоготу – написать ей письмо.

Правда, вопросы о матери я задавала лет до пяти – потом отвыкла. А письма карябать бросила еще раньше. Может, потому что они валялись нечитанными в коробке из-под дизайнерских туфель, может, потому, что устала ждать ответа.

Я вообще не понимала, для чего матери новый штамп в паспорте – любовников ей хватало во все времена. Еще при жизни отца она не особенно скрывала этот факт – нагло закрывала дверь ванной перед моим носом и принималась щебетать. Как только она их не называла – и «котиками», и «милыми», и «лапочками». Каталась бы по городам да весям, тратила бы наследные отцовские деньги, живя в свое удовольствие но, поди, разбери – снова вышла замуж.

Более того – потащила меня вместе с собой, хоть я могла бы остаться в приюте, на чьи казенные стены возлагалась забота обо мне, пока она разъезжала по Европе, «отвлекаясь» от смерти отца. Ей не удалось удивить или поразить этим решением, скорее, это позволило еще более отдалиться, укрепившись в мысли, что она всего лишь хочет произвести благоприятное впечатление на супруга, показав, что заботится о взбрыкнувшей дурочке-дочке.

И если раньше мы с матерью были не особенно близки, попросту терпя друг друга, то после переезда за город, в дом к отчиму, мы стали вовсе чужими. Она даже общаться со мной перестала – приезжая из очередного турне, целовала мимоходом в щеку (если удавалось), и отравлялась распаковывать многочисленные чемоданы, меняя одни шмотки на другие. Съемкам ее не было конца.

В итоге, после смерти папы я стала бесхозной, праздно шатающейся по улицам девицей: глупой, хамоватой, отвязной. Но, та не продлилось долго. Через некоторое время после переезда, моим воспитанием занялся новый материн муж, и пришлось признать, что единственным ее талантом (кроме виляния задницей на подиуме) было выбирать в спутники жизни неравнодушных к детям мужчин.

Думаю, что отчим осознал – если не он, то никто. Глядя на мои «отношения» с родительницей, он качал головой, наверняка в тайне жалея (кого из нас больше – не знаю).

Так как мать моталась по миру как ужаленная, в большом доме мы с отчимом оставались одни. Часто, на долгие месяцы. Несколько раз в неделю особняк приходила убирать пожилая женщина из службы найма. Она и кушать готовила – тоже впрок. (Когда я подросла, штат прислуги разросся, но в то время Валентина Петровна наведывалась одна).

По большому счету особняк пустовал: отчим не любил приглашать гостей, жил уединенно. И пусть при желании мы могли бы не пересекаться, он первым пошел на контакт.

Не знаю, как описать это – отчим не делал ничего сверхъестественного, просто был внимательным, участливым, в его глазах не мелькало презрения или неприязни. Однажды я просто почувствовала, что ему не все равно. Он не прятался. Не избегал меня и не кривился, глядя на свежевыкрашенные волосы: то фиолетовые, то синие, то оранжевые.

Нет, он не заискивал и не сюсюкал, как могло показаться.

Если за внешним самовыражением наблюдал с большим терпением, то хамоватые повадки, грубую речь пресекал, как только слышал. Говорил, что в его присутствии стоит быть более тактичной, поскольку он не желает набирать в лексикон грязных словечек – по статусу не положено. В ответ я фыркала, говоря, что у каждого взрослого априори имеются крутые лексические обороты, но отчим на это лишь поднимал бровь. В скором времени, как только я открывала рот, чтобы что-то изречь, как ловила себя на мысли, что фильтрую, отсеиваю слова, отбрасываю в сторону неуместные. Вслед за этим замечала внимательный взгляд отчима – еще

не одобрительный, но близкий к тому.

Он не имел привычки ругать, кричать, умел отрезвлять одним только взглядом. Порой глядел на меня – пристально, словно под кожу норовил забраться, и я ерзала, ощущая, что все мои попытки выделиться – смешны до нелепости.

Когда я курила в комнате, приходил и открывал окно, словно караулил под дверью – без упрека или лекции о влиянии никотина на женский организм. Сам курил очень редко – по одной сигарете в несколько дней, иногда, недель. Он не покупал их, делал сам. Подозреваю, что больше наслаждался процессом, нежели дымом: клал на тонкую коричневую бумагу щепотку ароматного, привезенного из-за океана, табака, склеивал, долго ровнял пальцами, крутил в ладонях. В такие моменты отчим витал где-то далеко, может, мысленно переносился в Доминиканскую Республику на широкую табачную плантацию... Поджигал, затягивался до отказа, жмурился от дыма, выдыхая в потолок, а заметив меня, говорил: «брысь, тут воняет».

Когда застал меня с сигаретой в первый раз, вышел, вернулся с пепельницей – тяжелой, хрустальной. Я, было, думала, он мне сейчас ею голову проломит, чтобы не портила дымом замшевую обивку, а пеплом – дорожный паркет. Но, нет, поставил молча на подоконник и удалился – без советов и наставлений.

Правда, скоро дымить наскучило – после каждой сигареты изо рта жутко кислятиной воняло, и с курением я завязала.

Еще новый материн муж выпроваживал моих «друзей», когда те принимались наглеть. Приглашать таких в дом я не приглашала, но собирались мы во дворе, в беседке под навесом. Там бренчали на гитаре, мурчали глупые песенки. Однажды, когда один из приятелей перебрал дешевого пива и принялся раздражать пошлыми шуточками, а после и приставать, отчим вывел его вон, легко ухватив за шиворот. Не знаю, как ему удалось явиться так вовремя – не иначе услышал мой возмущенный писк. К слову, тот пьяный детина был рослым, наглым, не знающим меры анаболикам, но рядом с высоким, гибким, вечно хмурым отчимом смотрелся жалко. Тем поступком я впечатлилась – впервые разглядела в серьезном, вечно молчаливом мужчине, силу.

А еще, посмотрев на него – воспитанного, начитанного, изысканно одетого и дорого пахнущего, сравнила с отребьем, что приглашала на территорию и больше так не глупила.

Подумав, бросила бунтовать – поняла, что никому дела нет до моих заскоков, можно прекращать выделяться. Только дурой себяставляю и делаю хуже только себе.

И я кинулась в другую сторону – учиться. Выбросила банданы с черепами, диски с дурацкими «сатанинскими» концертами, набрала книг, закачала несколько программ и принялась за работу. Сперва тяжело было, хотелось гулять, смотреть кино, отвлекаться всячески, но потом втянулась. Оказалось, что алгоритмы и линейные уравнения – штуки занятные, а физические законы и вовсе просты.

В то время как раз пришло знание, что не хочу ни от кого в жизни зависеть, и выход виделся один – выучиться, а после добыть столько денег, сколько потребуется для самостоятельности. Это желание воодушевляло и прибавляло сил. И я работала – больше. Забыв про сериалы и аниме.

Да, тогда я не знала, что жизнь перевернется с ног на голову и все, чем смогу гордиться – место официантки в загородном клубе.

Вскоре мы с отчимом подружились, насколько могут сблизиться подросток и состоявшийся мужчина. Он был человеком занятым, из тех, кто мало спит и много работает, поэтому порыв выучиться – оценил. В его глазах появилось одобрение, а через месяц-другой оно сменилось уважением.

Чуть погодя у него появилось больше времени – на выходных отчим стал брать меня на прогулку, в кино или парк. Реже водил в ресторан или кафе – когда удавалось освободить вечер от общения с очередной пассией.

Да, верностью в их с матерью браке, даже не пахло. Она развлекалась в турне, ни в чем себе не отказывая (я была уверена в этом на все сто), он встречался с дамами в городе. Отчим был уверенным в себе, видным мужчиной, тем, кто умел выделяться из толпы, поэтому удивляться его раскрепощенному образу жизни мне и в голову не приходило. Шагая с ним под руку по оживленному проспекту и замечая, с каким интересом на отчима поглядывают девицы, я только и делала, что задирала нос и принималась снисходительно улыбаться.

Зачем молодому, успешному, красивому мужчине понадобилось жениться на такой ветреной особе, как моя мать, было за гранью понимания. Они были совершенно разными – по характеру, мировоззрению и жизненному опыту. Она виделась мне бестолковой птицей, перескакивающей с веточки на ветку, потребительницей, паразитирующим клещом... Данила же был пусть своеобразным, но серьезным, надежным, как остов. Даже если бы в их браке наличествовала верность, «нормальным» его априори тяжело было назвать, ведь встречались они от силы раз в месяц, когда матери удавалось прилететь и застать отчима дома. Какому мужчине вообще мог понравиться такой союз? Ладно, отец – боготворил ее еще со школьной скамьи, прощал все, что только можно было простить, а чем прельстился Данила – было вне моего разума.

Так и жили – я училась, росла, обростала личным мнением касаясь разных областей, Данила приумножал капитал, метил в политику, а мать разъезжала по городам и весям.

Через год-другой мы с отчимом сблизились. Настолько, что я не видела ничего зазорного, в том, чтобы поделиться наболевшим, попросить помощи, совета, или пожаловаться на очередного «кавалера». К слову, девушкой я выросла весьма симпатичной, взяв от родителей лучшие черты. Выяснилось, что мать зря сетовала, будто я пошла только в отца – в зеркале виднелись и ее черты тоже: капризные губы, вздернутый маленький нос, высокие скулы. И пусть отражение нравилось: приходилось признавать, что оно довольно таки недурно, это подобие раздражало. Я не любила мать и не хотела быть на нее похожей.

Еще я перестала выкать (раньше он всегда был Даниилом, но на «вы»). К шестнадцати годам он стал для меня Даней. Научилась общаться с ним обо всем на свете, на равных, как со «своим» человеком.

Наверное, в этом не было ничего странного – так быстро привыкнуть, освоиться и впустить в личное пространство нового человека, взрослого мужчину. Так случилось, потому что всю жизнь общалась преимущественно с ними – мужчинами, толком не имея ни матери, ни подруг. С детства до юности мной занимался отец: опекал, оберегал, заботился. После, кратковременно, но я вращалась в компании то ли из панков, то ли из рокеров (ребята были открыты для всего нового, толком не знали, какое выбрать направление).

А потом случился Даниил. Стоило ли удивляться, что я к нему потянулась. Привыкла ведь к сильной руке, видению сугубо мужскому, что вело по жизни, направляло.

Даниил не стал заменой отцу, нет. Он стал настоящим другом, так как вытаскивал из депрессии, не дал скатиться на дно и деградировать, а для папы навсегда в сердце осталось место – светлое, отмеченное теплом и добром. Только его.

Да. В тот период я думала, что все просто и понятно, как день.

И выпустила из виду время, когда из друга Даниил превратился в возлюбленного.

Думаю, такое часто случается. На кого юной девице обратить внимание – на зеленых ровесников, с дурью в голове и акне на коже? Зачем, если рядом есть близкий, красивый, умудренный уже мужчина. Тот, который смотрит ласково, мягко улыбается в ответ, кого видишь каждый день, поскольку живешь под одной крышей. И при всем при этом – не имеешь кровного родства. Даже в мыслях я ни разу не называла Данилу отцом или братом – он был чужим мужчиной, потому что не растил и не воспитывал меня. По прихоти судьбы смог лишь называться другом, пусть и был много старше. Поэтому в моем чувстве не было грязного подтекста, никакой аморальности.

Я забыла, что он материн муж. Она так редко появлялась дома, что за ненужностью выбросила сей факт из головы.

Чувство, которое на меня накатило, было сильным, но отнюдь не внезапным. Думаю, что оно в малых дозах копилось с того самого момента, как он впервые обратил на меня внимание. Теперь же, когда собственные гормоны ударили в голову, заметила и ширину плеч, и красивые, внимательные глаза, что иногда смотрели на меня с восхищением. Да и много ли надо подростку, чтобы влюбиться? Увлелась, позабыв обо всем.

С каждым прожитым под одной крышей днем, Данила становился моим. Прочнее. Настолько моим, что в смелых мечтах представляла поцелуи: жаркие, влажные, и от таких фантазий голова кружилась наяву, а в низу живота тяжелеет, нарастая, пульсирующий ком.

Нет, я не бросилась Данилу на шею, когда осознала – влюбилась. Не принялась взглядами томными из-под ресниц кидаться. Просто чувствовала отчетливую тесноту в груди, когда отчим оказывался рядом, и наслаждалась уже одним этим ощущением: трепетом, никак не умещающимся в сердце, и то клубком в животе сворачивающимся, то щеки в алый цвет подкрашивающим.

Было одновременно и страшно, и радостно испытывать к Даниле влечение. Боялась проявить свои глупые чувства, выдать себя, и замирала, когда отчим улыбался. Когда же ему вздумывалось прикоснуться или обнять, мысленно парила, пребывая на седьмом небе. Наверное, каждая девушка помнит это ощущение: волнения пополам с удовольствием, когда хочется подпрыгнуть высоко и в ладоши хлопнуть, поскакав вприпрыжку.

Первая влюбленность – она немного эгоистичная и абсолютно слепая. Внимательно следя за внутренними виражами: «ах, он задел меня плечом, а как выразительно глянул», наблюдая за Данилом – любуясь чертами, мимикой, любыми проявлениями эмоций, я не особенно замечала его физиологической реакции, его самого – в целом.

Глаза застилала розовые очки. Мнилось, что манипуляции и восторженные улыбки он ни за что не расшифрует, не поймет, насколько я увлечена. Касалась ненароком его шершавой ладони, размышляя – разольется ли от касания тепло по пальцам? Нет, все равно уколом в сердце ощущалось – легким, сладким. В забывчивости проводила рукой по напряженной линии плеч, гадая – замрет внутри от восторга на этот раз? Замирало. Каждое касание прошивало сердце электрическими разрядами.

Прислушиваясь к тем странным глубинам, что вдруг открылись, не замечала, что заигрываю с мужчиной. С настоящим – взрослым мужчиной, кто давно не забавлялся детскими играми, и, что для меня было недостижимой мечтой, то являлось частью его будней.

Думаю, отчим все понимал, ведь нехитрая конспирация летела к чертям, стоило ему подмигнуть или шутливо меня боднуть – на лице тут же расцветала глупейшая улыбка. Таким образом, Данила позволял собой играть. До поры до времени.

К семнадцати годам моя влюбленность никуда не делась, наоборот, переросла в дикое желание обладать. Было мало трогать ненароком открытые участки кожи, мало любоваться издали. Хотелось прижаться всем телом, вцепиться в лацканы пиджака, опоясать, забраться под кожу, срастись. Такие мысли заставляли впиваться в ладони до отрезвления, до кровавых лунок, потому что безобидное юношеское чувство трансформировалось во что-то незнакомое, дикое, необузданное.

Мне виделись такие сны с Даниным участием, что наутро не удавалось взглянуть на него без стыда. А еще, когда такое происходило, уже проснувшись, долго лежала с закрытыми глазами – искала сон, ловила его за хвост, пока окончательно не истаял, и фантазировала дальше, раскручивая, накаляя. В такие моменты одеяло сбивалось в ногах, тело извивалось, с губ грозили сорваться нечаянные стоны...

Думаю, отчим догадывался о том, что так тщательно от него скрывалось, по-другому просто не могло быть. Как ни крути, а шило в мешке не утаить: однажды обернулась на Данила, а взгляд скользнул по зеркалу, что за его плечом висело – и если то, что мелькнуло в отражении, отчим видел каждый день, грош цена была всем уверткам и смущенным разглядыванием паркета. В глазах поблескивала вся гамма моего алчного безумия – от вожделения, до обожания.

Так не могло долго продолжаться – и моему и его терпению был предел.

Весело отгуляв школьный выпускной, я воспользовалась временной передышкой в учебе – сходила в салон, покрасила волосы – на этот раз в натуральный карамельный цвет (хотя, он все равно получился с яркой золотинкой), заглянула в книжный, и на это раз выбрала что-то легкое и приятное взамен научной литературе.

До вступительных экзаменов еще было время, поэтому я всласть лентяйничала, много гуляла и ничем толковым не занималась.

В то самое время Даниил впервые поцеловал меня.

И это событие положило начало всем последующим, изменило настоящее, будущее. Поменяло всё.

Помню, что устроилась с книгой прямо в гостиной – на ковре, развалясь. На улице стоял зной, кондиционер работал, но всё равно жарковато было, поэтому одежды на мне оказалось всего ничего: шорты короткие, майка.

Близился вечер, как обычно случается летом – вроде бы светло, белый день стоит, а потом раз – моргнула, и сумерки. Я изредка поглядывала в окно, и казалось, что еще рано, успею и переодеться, и подняться, и собрать с пола рассыпавшиеся конфеты. На часы не глядела совсем – зачиталась, не до того было, поэтому приход отчима благополучно прозевала.

Данил пришел с работы слегка подшофе – непривычно веселый, улыбчивый. Уселся рядом, поглядел на обложку книги, кивнул удовлетворенно:

- Спасибо, что не любовный роман.

Я кивнула важно, так как на этот раз читала что-то о психологическом воздействии и НЛП, а у самой мурашки по коже поползли от его близости и коньячного дыхания. Поглядела в его яркие глаза-хамелеоны: того самого цвета, что не описать - вроде бы серые, а присмотришься, коричневые уже - скорлупу грецкого ореха колером напоминают. Долго лицо рассматривала - так близко впервые. Заметила родинку маленькую над правой бровью, белый шрамик у виска.

Не помню как, кто первый потянулся, запомнился вкус губ - терпких, шоколадных. Въелись в память медлительность движений, от которых выпрыгивало сердце, скользкое поглаживание кромки верхней губы кончиком языка - узнавание, просьба, плавно переходящая в страсть.

Данил тесно прижал к груди - не шевельнуться, впился широкими ладонями в затылок. А я - льнула, ластилась. Руками в его роскошные волосы зарылась, принялась ласкать еще более нежно.

От Даниных прикосновений внутри разгорался пожар, что-то быстро плавилось во мне, и было жарко. О, как приятно было чувствовать кожей его тепло, ощущать во рту вкус, вдыхать цитрусовый запах...

Очнулись, когда его руки под майку забрались и, не найдя белья, грудь накрыли. Я - распахнула веки от томного, невиданного удовольствия, Данил - от осознания, что близко - совсем близко подошел к черте невозврата.

В Даниных глазах туман стоял, дико билась жилка у виска. Он был безмерно красив в тот момент - навсегда запомнилось: зрачок на всю радужку, судорога, мышцы лицевые искажившая - мужская красота в простоте, искренности желания.

- Прости, дурак я, кретин пьяный, - сказал хрипло, руки из-под майки убирая.

Я прикрыла глаза на миг, вдохнула глубже - в надежде успокоить биение сердечное.

- Это я идиотка наивная. Губы раскатала, - пробормотала, надеясь, что получилось неразборчиво.

Мы разошлись по комнатам, стараясь не смотреть, друг на друга.

Стоит ли говорить, что той ночью не спалось - перина казалась раскаленной, подушка слишком мягкой. Когда же удалось забыться, пригрезился один из самых ярких, смелых снов. Естественно, Даниил был главным его участником.

Наутро случилась бесконечная неловкость: отчим взгляда не поднимал, молчал, в себе замкнувшись. Я в досаде губы кусала и перебирала ночные воспоминания.

Вечером, с работы вернувшись, Даниил в кабинете закрылся, чего отродясь не случалось.

Такое действо не пришлось по нраву, и я поскреблась тихонько в дверь, открыла сама, ответа не дождавшись.

Даниил просматривал бумаги - как всегда сосредоточенный, серьезный. На лице ни тени улыбки. Поднял на меня глаза и вздохнул, отложив документы в сторону.

- Мира, - наверняка, снова приготовился просить прощения.

Но, я мотнула головой, перебивая.

- Не извиняйся.

Обошла стол, присела на краешек – рядом с его креслом. Руку протянула, коснулась волос. Увидела, как сглотнул, почувствовала, что надумал отстраниться, встать – острая решимость в глазах появилась.

- Не сбегай, - попросила.

- Ты не понимаешь, - все-таки встал из-за стола отчим.

- Понимаю.

Я понимала.

Знала, что его сомнения терзают, что скотиной себя чувствует, и неправильно вроде бы все это, а с другой стороны – от себя не скрыться. Рано или поздно прорвет. Мы оба знали, что так будет. И если не сегодня, то через неделю, или месяц, год. Искушение на то и есть, что невозможно ему противостоять.

То дикое желание обладать: трогать, целовать, после случившегося вырвалось на волю – я больше не могла сдерживаться, невозможно было спрятать его назад. Как не способен зверь прекратить охоту, почуяв запах крови, добычи, так и я погибала без Даниила, один раз попробовав его на вкус. Наверное, смотрела на него голодными, жалостливыми глазами, как смотрит собака на сочный кусок ветчины, но по-другому не могла! Боги, как же хотелось его – целиком, прямо сейчас.

Он боролся. Я видела этот бой – совести с желанием, с моральными и социальными канонами, он отражался в зрачках. И, коварно – чисто по-женски, не стала дожидаться конца битвы: шагнула к Даниилу, положила руки на плечи.

- Люблю тебя, - прошептала в губы.

И он сдался. Моргнул, словно ко всему на свете теперь готов, на все согласен.

Наклонился, поцеловал – мягкими, сухими губами коснувшись виска, затем щеки, уголка губ.

Возликовала, со всей горячностью прильнув, зарывшись в волосы на затылке. Впечаталась в него, вросла. Бережные прикосновения с каждым толчком сердца становились тверже, хаотичней. Вскоре мы дышали рвано, жадно, торопливо знакомясь друг с другом: застревая пальцами в волосах, путаясь в петлицах.

Остались в кабинете – надолго. Много сладких минут провели на широком диване, задыхаясь, со свистом втягивая в себя воздух и убирая мокрые пряди от лица.

Я никогда так счастлива не была, как в ту ночь, что соединила нас. Сделала любовниками, ближе – некуда.

А потом....

Наутро приехала мать.

Хозяйкой полноправной в дом вошла, по-царски владения свои оглядывая. Мы с Даниилом как

раз завтракали в столовой, перешучивались, а стоило ей в холле зашуметь, зацокать каблуками по каменной плитке, как отчим отсел от меня, вмиг перестав улыбаться.

И это суетливое движение таким огромным оказалось предательством, настолько зацепило, что я закрыла глаза, чтобы от обиды в них не полопались сосуды. Да, в глубине души понимала – нельзя, никому нельзя говорить о том, что между нами произошло, а уж матери – даже намек давать не следует, но эта его показная отстраненность – задела за живое. Увидела отчима вот таким – лживым, лицемерным, быстро меняющим маски, и резануло, захотелось крикнуть – пожалуйста, не будь таким со мной! Только не со мной!

Мать вошла, сверкая ослепительной, шикарной улыбкой и первым делом поцеловала Даниила в губы. Пусть мимоходом, смазано, но я зубами заскрипела, потому что со вчерашнего вечера эти губы стали моими.

- Привет, детка, - сказала родительница мне и на стул рядом с мужем опустилась. – До чего жарко - адски просто. Почему кондиционер на двадцать восемь градусов поставлен? Дышать невозможно.

Она еще что-то говорила: переключилась на байки о показах, новых знакомствах, но я не слушала, потому что пелена ярости глаза застила, не только ослепив, но и лишив слуха.

В тот момент впервые почувствовала самое разрушительное на свете чувство - возненавидела собственную мать.

Пока она была дома, Даниил не приближался – даже не смотрел в мою сторону. Такое поведение походило на обман и предательство, хотя, по сути, являлось нормальным – не мог же он вышвырнуть вон собственную жену. Только, после волшебной ночи, которая случилась между нами, здравый смысл приказал долго жить. Я мучилась, плакала, чертовски скучала. Изводилась, вспоминая, снова плакала.

А мать все не уезжала. Словно почуяв – что-то происходит, в душу лезла, утомляя ненужными беседами и нравоучениями.

Я сатанела.

Не могла равнодушно смотреть, как они обнимаются и милуются. Скрежетала зубами, когда мать дефилировала к бассейну в прозрачном бикини, а Даниил заинтересованно поглядывал на нее сквозь цветное стекло солнцезащитных очков.

А после того, как застала их поздним вечером в летней беседке, когда мать, опустившись на колени, ритмично двигала головой между широко расставленных Даниных ног, пока он мечтательно разглядывал небо, от всего сердца пожелала ей смерти.

Так и подумала: «Чтоб тебе сдохнуть».

Пожелала и забыла об этом через несколько минут, когда от всей души расплакалась в подушку. Да только через два дня она и правда умерла.

Ехала в аэропорт, когда в голове разорвалась аневризма. Таксист даже понять ничего не смог. Только что щебетала – о журналах и моде, как вдруг замолчала и по сидению вниз съехала.

Узнав о случившемся, почти ничего не почувствовала – ни боли, ни горя. Только пустоту одуряющую, что накатила после ослепительного осознания – виновата.

Это я в сердцах пожелала, и она умерла. По-настоящему.

Помню, что в комнате закрылась и на подоконник забралась, раздумывая – прыгнуть? Второй этаж, высокий, за третий сойдет. Не умру, так кости переломаю. И пока сидела, ноги на улицу свесив, вспомнила всякие вещи странные.

К примеру, как однажды в детстве горячо пожелала велосипед, а на следующий день отец прикатил его после работы: розовый, с наклейкам из под жвачек на раме, с причудливо изогнутым рулем и маленькой корзинкой спереди. Папа сказал, что нашел его в траве рядом с конторой, и никто не знал, кому тот принадлежит – по всем признакам девчачий, но в промышленной зоне девчонки не рассекают, и вереща не скатываются вниз с горки. На посту охраны сторож только головой покачал – поскольку впервые этот велосипед видел. И пока я каталась по тротуару, попискивая от удовольствия, отец развешивал на столбах объявления о находке. Но, ни через неделю, ни через год за транспортом так никто и не явился.

Позже я пожелала собаку. Насмотрелась календариков, что вынесла похвастаться из дому Ирка - соседская девчонка, и захотела пса, как на картинке. Напечатанные на глянце заморские породы были разными: смешными, грозными, милыми, и мы – стая ребятишек, хохотали, толкали друг друга по бокам и завидовали Ирке, потому что она могла любоваться собаками хоть час подряд. Через пару дней на дачу, где мы проводили лето, прибился толстолапый, курчавый щенок. Бесхозный, как тот велик. Малый влез себе через дыру в заборе, растявкалился у порога, а папа, вышедший рано утром покурить на крылечко, зефиром его угостил. Пес остался, и через время вырос в огромного «водолаза» - так по-нашему называли породу ньюфаундленда.

Много еще всякого было: конфет, почти что с неба сыпавшихся, подарков разнообразных – без праздников и малейшего повода.

Одно только не сбылось – папа из могилы не вернулся, хотя, желала всем сердцем. А стоило в минуту слабости о материнной смерти подумать – раз, и готово.

Прыгнуть в тот день не получилось, поскольку странности вспоминались до темноты и, замечтавшись, я пропустила появление Даниила. Он больно схватил за руку и втащил в комнату - кричал тогда, что я дура глупая.

Горевала о матери. Непутевой, неверной и нелюбящей, но единственной. Плакала и просила у нее прощения. Каялась, что ее мужа полюбила, что так опрометчиво зла пожелала. Не знаю, слышала ли она меня, но со временем стало легче, словно и правда простила.

После похорон Данила изменился – стал более властным: следил, чтобы не наделала глупостей, заставлял кушать, готовиться к вступительным экзаменам, быть осторожной и более внимательной. После того случая – когда торчала в окне ногами наружу, он словно присматривался, был настороже. Чтобы отпроситься на прогулку, следовало тщательно рассказать о маршруте, компании приятелей, доложить о точном прибытии. Думаю, отчим опекал и старался защитить, потому что ясно понимал – кроме него у меня никого не осталось.

Приходил вечером, оставался до утра. Иногда мы просто спали, укрывшись одеялом с головами. Иногда ночи превращались в сладкие, тягучие кисели, и в них застывали наши крики и стоны. Даниил умел желать меня по-разному: бывал упоительно нежен, страстен, жаден, безумен. Порой пил меня и не напивался, укрепляясь в праве обладать и властвовать. Не знаю, как называют это сексологи и психотерапевты, но наша тяга друг к другу была больной. Болезненной. Мне нравилось всё, что он делал: когда кусал до синяков, влажно

зацеловывал или зализывал с головы до пят. Нравилось смотреть в горящие глаза – дикие, бесконечно дикие. Любила ловить на себе его собственнический взгляд - упивалась этой своеобразной властью.

Поступила в университет, но учеба уже не так захватывала. Все прелести студенчества: тусовки, голодные будни, когда одна булка на троих; прогулянные, прокуренные на улице пары, сборы, поездки в горы, на край света, бесконечное общение – прошли мимо меня.

Я закупорилась в собственном мирке, схоронилась в мнимой зоне комфорта, не пускала туда никого постороннего. Не завела друзей, сторонилась людишек, потому как они казались мне напрочь ущербными.

Даниил заменял всех.

Помогал учиться, приглашал на свидания: куда только мне вздумывалось, проводил со мной всё свободное время.

Нет, он не любил. Просто брал - отчего не взять, если само в руки плывет. От макушки до кончиков пальцев на ногах, я была его – по праву, по закону.

А кроме меня у Даниила имелось еще с десятков любовниц. Он не особенно скрывал это – не считал нужным.

А я – сгорала. Несмотря на злую, жгучую ревность, боль, влюблялась глубже, сильнее.

Меня переполняла неумная жажда быть незаменимой, желанной, и только что из юбки не выпрыгивала, стараясь Даниле угодить. Звонила ему, интересовалась делами, готовила ужины и всяческие сюрпризы. Романтическая чепуха так и пёрла – все идеи, так или иначе, превращались в ласки и любовные игрища. Я научилась делать массаж и стриптиз (спасибо интернету), всему остальному, что полагалось уметь девушке сексуально продвинутой, отчим научил сам. Он вообще был отличным учителем, а еще благодарным мужчиной, поскольку всячески поощрял мои подвиги – хвалил, делал шикарные подарки.

Но, не любил.

Даниил давно перестал быть тем отстраненным, чужим человеком, каким знала его в отрочестве. Он познакомил меня с другой, откровенной стороной – показал, как умеет нашептывать сладкие слова, пока покрывает поцелуями грудь и руки. Приоткрыл завесу своей личности – я знала, какой он целиком: как злится, ревнует, переживает. Почувствовала, каким нежным он может быть, как умело ласкает, и как глубока бездна в его глазах, когда мое тело выгибается навстречу.

Но, полюбить, как я хотела – не смог.

Женщина всегда чувствует – любят ли ее, ценят ли, дорожат. Кожей, шестым чувством, интуицией.

Я ощущала интерес со стороны Даниила, желание, бесконечную тягу.

И однажды, сидя в той роковой беседке, где мать родную прокляла, поняла, что перегорела.

Между нами не случилось ничего ужасного, переворачивающего сознание. Наоборот, все своим чередом шло, текло неторопливо: учебные будни сменялись страстными ночами, в

выходные отдыхалось весело и беззаботно.

Просто я устала отдавать, дарить себя – без остатка.

Устроившись на мягкой подушке, что принесла с собой, закуталась в плед, и, подмяв под себя ноги, дрожала. Уходить с улицы не хотелось, хотя снег повалил большими хлопьями, да и подмораживать стало ощутимо. Думала. Вспоминала детство куцее, потерю отца, бунты никому не интересные, любовь роковую, смерть матери. Так выходило, что ничего по-настоящему хорошего со мной не случилось. И пусть Вселенная не обязана была крутиться исключительно вокруг моей персоны, счастья хотелось до одури. Такого светлого, чистого счастья, чтобы кричать от него громко, не в силах умолкнуть.

Вместо этого в восемнадцать лет чувствовала себя древней старухой. Опустошенной, неудовлетворенной. Несчастной.

Мне было мало, того, что имела. Мало Данила, который был моим только на треть. Хотелось бесконечно большего – его всего, до каждой клетки, навечно.

Повлиять на ситуацию не могла никак: насильно не привяжешь, не увлечешь. Протестовать и закатывать отвратительные сцены, было не в моем характере: после глупого, бесполезного подросткового бунта зареклась. Поэтому, молчала, ни словом не обмолвившись, что больно. Думаю, такой разумный мужчина, как Даниил, вполне это осознавал.

Сидя тогда в беседке, коченея на морозном ветру, смогла найти единственный выход. Пусть я была глупенькой студенткой-второкурсницей, без больших денег и крепких связей, но в тот зимний день твердо решила действовать.

Я подождала до лета, сдала сессию и перевелась на заочное отделение к черту на кулички. В один из понедельников, как только Данил уехал на работу, подскочила, быстро собрала сумку, завернула в тряпицу подаренные им украшения, скопленные деньги, и уехала, оставив короткую записку под магнитом на холодильнике.

Уехала, даже не подозревая, что этим поступком пробужу в отчине азарт. Открою второе дыхание в его чувствах. Подстегну к охоте, той ее стадии, когда кот упивается видом полузадушенной мыши, толкает ее лапой, любопытствуя – жива ли?

Об этой увлекательной игре я узнала после его первого письма. И новая глава в моей жизни началась.

Эпизод второй.

Знакомство.

У меня было два выходных. Один я провела бесполезно: предаваясь воспоминаниям и меланхолии, а второй посвятила уборке съемного жилища. Да, быть одинокой – скучно, и счастьем, о котором так мечталось, даже не пахло.

На работу явилась с небольшим опозданием – на выезде из города остановил дорожный

патруль. Пока общались, время утекло.

Только и сделала, что успела переодеться, когда на мобильный позвонил Максим.

- Где ты? - спросил первым делом.

Слегка гневливо.

- На второй этаж поднимаюсь, кабинет готовить, - соврала.

На самом деле едва ли сделала два шага от комнаты отдыха.

- Все инструкции помнишь? - смягчился начальник.

- Так точно, товарищ генерал, - шутливо ответила я, хотя смешно не было.

Было никак.

Уже давно не случалось события, что по-настоящему смогло бы рассмешить или порадовать. Да, от затяжной депрессии стреляются, но, это был не тот случай - жить я любила.

Подготовить кабинет не успела. Когда добралась, оказалось, что Руслан Игоревич уже был на месте. Курил, расслабленно развалился на кресле. Смотрел сквозь стекло на верхушки сосен, что янтарно позолотились близящимся закатом.

- Добрый вечер, - поздоровалась, внутренне холодея.

Что если здесь не убрано?

- Добрый, - кивнул мужчина, пока я озиралась.

На первый взгляд все оказалось в порядке - чисто, свежо. Выдохнула. Нельзя сказать, что боялась выговора или чего-то подобного (хотя в этом было мало приятного), просто не любила безответственности во всех ее проявлениях, и сейчас чувствовала себя неуютно, оттого, что из-за гаишников опоздала на работу. Впрочем, на себя злилась в равной степени - следовало выдвинуться в путь загодя.

- Есть ли пожелания? Может быть, кофе? - спросила на автопилоте, пока думала о взятках и полосатой палочке.

- Ты раздражаешь меня, - ответил Руслан Игоревич несколько неожиданно, из кресла поднимаясь.

Вот так поворот, успело мелькнуть в сознании.

- Чем?

- Говоришь, как робот - заученными фразочками, такими прилизанными, вежливыми до тошноты, - ответил гость, и мне показалось, его даже передернуло.

Налил себе воды в высокий стакан, выпил, даже не поморщившись от шипучих пузырьков.

Посмотрел на меня - в самом деле, слегка раздраженно и еще слегка лукаво. Стало быть, раздумывал, что собираюсь ответить такого интересного.

- Я на работе, - пожала в ответ плечами и улыбнулась краешком губ. - Привыкла разговаривать с гостями вежливо.

- Я хотел бы, чтобы ты разговаривала так, будто мы встретились на улице. Я - незнакомец, что подошел поболтать «ни о чем», пока ты прогуливалась по парку. Поняла? - Руслан Игоревич отставил бокал и кивнул на дверь, - идем, я пока не хочу ни есть, ни пить, а вот прогуляться - было бы весьма неплохо.

Если и удивилась такой просьбе - виду не подала, ведь желание гостя - закон. Максим был бы доволен.

Мы пошли прежним путем - через дверь для персонала, по мощеной тропинке к озеру. Правда, тепер я успела захватить жакет, а Руслан Игоревич и не думал исчезать.

Он странный - думала, глядя на широкую спину. Вот зачем ехать черт знает куда, чтобы покурить пахучую сигаретку да побродить вокруг озера в компании сомнительной девицы?

Но все оказалось еще страннее. Потому что курением и прогулкой дело не ограничилось. Руслан Игоревич возжелал беседовать. И разговор этот, с легким налетом грусти и философии, на мой взгляд, был лишен всякого смысла.

Он говорил о погоде, поэзии. Немножко о смысле жизни. И фразочки его были насмешливыми - чувствовалось, не всерьез говорит, почти издевается. В его устах мои проблемы обретали вселенскую никчемность - и как только догадался о чем надо говорить? Хотя, о чем еще беседовать с девицей, как не о беззаветной любви.

Я слушала, кивала невпопад, но внезапно мужчина кардинально поменял тему разговора.

- Чем ты любишь ужинать, Мирослава? - спросил, когда мы пошли вдоль озера.

Смеркалось, на плечи понемногу опускалась сырая прохлада. Волосы потяжелели, увлажнившись от легкого тумана, поднимающегося от воды. Я порадовалась, что не успела переобуться и сейчас шла в аккуратных полусапожках на сплошном ходу, а не в тонких балетках.

Дорожка, петляющая вдоль озера, превратилась из мощеной в узенькую, скользкую от росы тропку, поэтому мы замедлили шаг.

От вопроса встрепенулась. Тема еды показалась более предпочтительной духовной сфере и влюбленности во всех проявлениях.

- Вы спрашиваете, что ем обычно на ужин, или чем хотела бы трапезничать? - игнорируя общую странность такого разговора, поинтересовалась я.

- А это разница? - поднял брови Руслан Игоревич.

- Определенно да, - усмехнулась, обходя ямку, похожую на кроличью нору.

- Тогда оба варианта, - подумав, ответил мужчина и, обернувшись, добавил:

- И перестань выкать. Это тоже раздражает.

В знак согласия я подняла ладони: хочет непосредственности, будет ему.

- Обычно ужинаю яблоком, иногда - йогуртом, но хотела бы чем-то изысканным. Например, шикарной творожной запеканкой с изюмом и кусочками фруктов.

Руслан (перестала выкать даже мысленно) рассмеялся, запрокинув голову.

- И в чем же сложность?

- Готовлю неважнецки, а покупная запеканка - жуткая дрянь, - я тоже улыбнулась, но более сдержанно.

Болтать вот так - ни о чем, стало очень просто, в голове образовался вакуум, такая себе легкая, приятная пустота.

- Да, моя проблема с едой куда более запущена, - покачив головой, сказал Руслан.

- Почему? - без всякого любопытства, спросила я.

Признаться, чужие проблемы, да еще и касающиеся ужинов, не смогли взволновать должным образом. Какие сложности с принятием пищи могут случиться у человека, если он не нуждается в деньгах и совершенно здоров? В том, что со здоровьем у Руслана все в порядке, почему-то не сомневалась: язвенник, вряд ли стал пить крепкий черный кофе и шлифовать его терпким сигаретным дымом.

Однако ответ Руслана меня обескуражил.

- Потому что я не ем человеческой пищи.

- Да? А какую ешь - кошачью? - я даже остановилась, ожидая ответа.

Заинтересовалась, вынырнув из уютной пустоты. Либо у человека странное чувство юмора, либо я потеряла нить разговора, и беседуем мы отнюдь не о еде.

Руслан рассмеялся, в который раз за последние двадцать минут.

- Нет, я вообще не принимаю твердой пищи. Только пью.

В его голосе не было и тени сожаления, и я снова ничего не поняла. Как здоровый, крепкий мужчина может обойтись без мяса, или без жареной картошки? По моим плебейским прикидкам все на свете люди любят мясо и картошку.

- Пьешь, значит - перемалываешь в блендере? - спросила, уже вполне заинтересованно ожидая ответа.

Кто бы думал, что Руслану удастся увлечь меня своими гастрономическими пристрастиями.

- Нет, Мирослава, не перемалываю, - мужчина прищурился, и лицо сделалось до неприличного насмешливым.

Мы стояли возле воды, глядя друг на друга. Я уже не думала, что Руслан смеется, просто в недоумении смотрела в его глаза и ничего не понимала: ни зачем он привел нас сюда, ни откуда вообще взялся такой странный.

По его голубым глазам промелькнул золотистый блик, такая себе искра, и сердце мое вдруг забило быстро. Вспомнилось, как наливались они золотом, пока я проваливалась в глубокий

сон.

- Тогда как ты питаешься? - хрипло спросила, вспоминая все прочитанные сказки о чудищах.

И киношка вспомнилась ванильная - про человеколюбивых вампиров.

Конечно, я ждала, что Руслан вот сейчас рассмеется и скажет - ну и дура ты, Мирослава, ем я много и вкусно, а тебе бы нервную систему подлечить.

И когда этого не случилось, вдоль позвоночника мурашки ледяные выступили, а ноги налились той самой тяжестью, когда ни шага в сторону не ступить - от липкого страха: иррационального, глупого.

Подумала, что сама себя пугаю, а Руслан молчит специально, наслаждаясь моим ошарашенным видом. Смотрит насмешливо, и наверняка, тайно смеется надо мной.

- Ты все равно не поверишь, - сказал, когда я потеряла надежду услышать ответ.

- Да? - выдавила, подумав, что разговор близится к развязке. - Ты скажешь сейчас, что вампир и питаешься исключительно человеческой кровью?

Он должен был посмотреть удивленно, недоуменно, покрутить пальцем у виска или рассмеяться такому предположению, как нелепой шутке, подивиться моей фантазии. И мы бы вместе позабавились странностям человеческого воображения. Но, Руслан просто продолжил смотреть на меня - молча. Без какого-то особенного выражения на лице.

Отвела взгляд, посмотрев на темную гладь воды и решила, что пора возвращаться. На самом деле, очень хотелось побежать, за полминуты оказаться в заполненном людьми зале на первом этаже клуба. Только бы подальше от него. Прочь от этих странных, бликующих глаз.

И я побежала бы, да вот только ноги не несли. Приросли к напоенной росами траве. Руслан приблизился - шагнул ко мне, положил тяжелые руки на плечи. Вздогнула. И обязательно попятилась бы, если бы могла.

От его фигуры веяло теплом. Обыкновенным мерным человеческим теплом - большие ладони обожгли касанием даже сквозь ткань кожаного жакета.

После прикосновения очень захотелось расслабиться, фыркнуть о нелепости, глупости чужих шуточек, но что-то не давало. Какое-то холодящее затылок предчувствие, отсутствие маленькой детали, без которой пазл никак не хотел собираться.

- На самом деле, не совсем так, - сказал Руслан, наклоняясь и втягивая воздух возле моей щеки.

Со свистом, жадно вдыхая, щекоча воздухом кожу. Эта внезапная, лишённая всякой сексуальности близость, вывела из ступора. В Руслане не чувствовалось плотского интереса, он нюхал меня так, будто собирался откусить кусочек.

Раньше думала, что не верю ни в вампиров, ни в зеленых человечков, ни в какую другую колдовскую ерунду, но тогда у озера эта уверенность поколебалась на одно, очень короткое, но осязаемое мгновение.

Чтобы окончательно не спятить, подумала, что Руслан наверняка был обыкновенным

человеком – из плоти и крови, заигравшимся мажором, которому приелись привычные развлечения. Все остальное – большое воображение.

А может быть, все было не так.

- Тебя Даниил прислал? – обернувшись, сбросила его руки с плеч.

Руслан удивленно поднял брови – скорее угадала, чем увидела.

Солнце скрылось за громадой леса, и темнота легла нам на плечи. Фонари по периметру еще не зажглись.

- Кто такой Даниил? – склонив голову набок, поинтересовался Руслан.

И если играл в этот момент, то блестяще.

- Не важно, – покачала головой, отступая.

- На самом деле это ты меня позвала, – протянул Руслан, продолжая внимательно наблюдать за моим отступлением.

- Я? Не понимаю. Абсурд какой-то.

Скорее всего, – снова лихорадочно заработал мозг, – Руслан Игоревич был не в себе – под влиянием экстази, к примеру, или галоперидола. Вполне возможно, у него и справка от лечащего врача имелась. Думать об этом было приятно, безопасно.

- Мирослава, – усмехнулся Руслан, – вспомни.

В этот самый момент зажглись фонари, отчего смогла рассмотреть его лицо. Оно было спокойным, без налета кровожадности, немного бледным, но в пределах нормы – без синевы и черных кругов под веками. Любопытные глаза шурились насмешливо, наблюдая за неспешным побегом.

Да, выходило, что я медленно пятилась, боясь наступить в яму и подвернуть ногу, но еще больше страшась – обернуться и побежать открыто. Из-за этой неторопливости Руслан нагнал очень быстро – сделал несколько шагов, покачал головой:

- Я не собирался тебя пугать, прекрати драпать, двигаясь задом наперед.

Вечер абсурда – хотела крикнуть, но Руслан не дал. Снова обхватил ладонями предплечья и повторил, на этот раз настойчиво:

- Вспомни!

- Что, что я должна вспомнить, черт возьми?! – от страха и непонятной злости, закричала.

- Свой зов, вспомни его, – спокойно ответил Руслан.

От невозмутимости, с которой он говорил, от пляшущих в глазах огненных искр, меня замутило. Задышала чаще, чувствуя, как мало вокруг воздуха, как отчаянно жарко становится внутри: будто по венам уже не кровь течет, а самое настоящее пламя. По спине градом пот потек – холодный, липкий, мерзкий. Во рту пересохло – моментально, тяжелый язык к небу прилип – не оторвать. Перед тем, как перед глазами сделалось совершенно темно, яркой

вспышкой – ослепляющей, забирающей последние силы, мелькнуло воспоминание.

Гонка от судьбы была в самом разгаре: я успела поскитаться по разным городам, перепробовать множество профессий, но уютного места не нашла.

По привычке, от тоски – страдала. Сидела на кухонном подоконнике, в съемной квартирке, вертела в руках маленькую полосатую чашку с недопитым, на самом доньшке, кофе. Смотрела вниз на макушки прохожих, что спешили по различным делам.

Этот нехитрый досуг не был передышкой, наоборот, именно в такие моменты думалось о запретном. За последний год бесконечные переживания вытерзали, выели все позитивное, что только оставалось. Изнурила себя – воспоминаниями, вечным сослагательным «а что было бы, если».

Это «если» убивало. За время «свободного плавания» я успела мысленно примерить тысячи жизней, сотни тысяч возможных вариантов событий. Примеривала их к нам с Даниилом, как карнавальные маски: что было бы, будь он на десяток лет моложе, к примеру? Или, не встретить мать, а познакомиться сразу со мной? Что, если бы он был обыкновенным трудягой-рабочим с завода, а я – увидела его в вагоне метро: остановилось бы мое сердце тогда, рискнула бы подойти? Что, если бы не уехала от него, не сбежала – были бы счастливы? Полюбил бы меня, смог?

Вертящиеся по сотому кругу вопросы – затерлись до дыр, надоели. И так всё осточертело, что хоть в петлю полезай!

Я отставила в сторону кружку, прислонилась лбом к прохладному оконному стеклу и пожелала, как умела: истово, всем существом – разлюбить.

Так и подумала: вот бы навсегда избавиться от этого чувства. Пусть случится невероятное, любое, только чтобы исчезла эта одуряющая тоска, и выматывающая все силы, душевная боль.

Не знаю, что случилось – упала ли в обморок, на секунду выпала из реальности, или просто вытошнила завтрак куда-то в траву, но пришла в себя так же резко, как и сомлела. Мушки перед глазами перестали мелькать, дыхание выровнялось, стало резко хорошо. Так хорошо, что не хотелось шевелиться.

Мы находились на том же месте – у озера. Ночная прохлада во всю мощь норовила забраться под одежду, но меня это не смущало. Больше нет.

Я сидела на траве, привалившись боком к Руслану. Он жевал травинку, закинув голову и глядя в звездное небо: бескрайнее, черное, такое непостижимо низкое, каким бывает только вне мегаполиса – руку протяни и звезды коснешься.

Уже не страшно было совсем – ни капельки, не было нужды убегать.

Я вспомнила.

Вспомнила, что мои желания – сердечные, истовые, искренние, имеют свойство сбываться. И вот, сейчас, сидя рядом с непонятым, чуждым самой планете существом, я не была удивлена или поражена.

- Кто ты? - спросила, крепче прижимаясь к теплому боку, привлекая его внимание.

Руслан опустил голову, перевел взгляд прозрачных голубых глаз и пожал плечами:

- Тот, кто тебе нужен. Кого ты звала.

Помолчали с минуту. Я знала, что он расскажет, поэтому не подгоняла, и Руслан, поглядев на свои руки, затем вдаль на водную гладь, начал говорить:

- На самом деле меня не существует - здесь. Не может существовать, потому что твой материальный мир жесток в своих уродливых рамках: физических законах, устоявшихся традициях, религиях. Отсутствие веры делает невозможным сам факт моего существования. Но я тут - и уже это поистине чудно, - перевел на меня взгляд, улыбнулся. - Представляешь, сколько там, - он указал рукой на небо, - всего? Разнообразных галактик, со своими планетами, формами жизни, расами. Не представляешь, Мирослава, даже вообразить не можешь. Сотни миллиардов. Больше, гораздо больше, чем может вместить человеческий разум. Они такие разные, бесконечно далекие друг от друга, что никогда не смогут пересечься. Каждый организм, живущий во Вселенной, уверен, что он - один в своем роде: уникален, неповторим. Там, - ткнул в небо носом Руслан, приобнимая меня за плечи, - даже не подозревают о том, что мы с тобой - представители разных рас, эпох, беседуем здесь, на самой приземленной планете из тьмы существующих.

- Не понимаю, - хрипло произнесла я.

То, что он говорил - было бесконечно жутко и непостижимо.

- Конечно, понимаешь, - засмеялся Руслан, - ты захотела и я пришел: из другого полотна Вселенной, оставив к дела, буквально запнувшись на половине слова, оставив собеседника недоуменно озираться. Я - тот, кто может забрать любовь - то самое чувство, что мешает тебе, саднит вот здесь, - Руслан приложил руку к груди, наглядно показывая, где болит.

- Забрать? - переспросила, вглядываясь в чужое, безмерно чужое лицо собеседника.

Кем бы он ни был, я верила, что он - не человек. Теперь, когда раскрылись карты, стало очевидно: не человек. Слишком прозрачные глаза, слишком часто в них загораются чуждые нашему виду, искры.

Не знаю, пугало меня все это или просто не до конца осознавала - не сплю. Все происходит на самом деле. Здесь и сейчас.

- Все, что тебе нужно сделать - вспомнить. А вспомнив, захотеть избавиться от воспоминаний и чувств. От той бесконечно болезненной любви, что мешает, Мирослава. А я - съем ее. Да, не удивляйся, ведь я говорил, что не приемлю твердой пищи. Меня может накормить только такая бесплотная материя, как любовь, и, пожалуй, еще немного - страх, но им я сыт. Еще на пару сотен лет уж точно.

- Для чего нужен был этот спектакль? - обвела рукой пейзаж, территорию загородного клуба. - Пришел бы ко мне домой, сквозь замкнутую дверь и закрытые окна.

- Было интересно, - пожал плечами.

Такой человеческий жест не вязался с ним - существом, что называлось Русланом.

- Посмотреть на тебя в обычной среде, понаблюдать немного, и совсем чуть-чуть поиграть. Помнишь нашу первую прогулку, где я исчез, а ты увидела то ли собаку, то ли волка?- после кивка, продолжил: - Таким способом хотел слегка напугать, чтобы попробовать на вкус, пригубить. Образ волка - первое, что пришло на ум, но ты не особенно испугалась. В тот раз я не наелся.

- Слоек с яблоком попросил, но так ни одной и не попробовал, - припомнила я.

- Да, на самом деле они были для тебя, - улыбнулся Руслан, - чтобы все было в порядке после нашего «общения», нужно покушать.

Покивала, ведь помнила странную сонливость, что навалилась после испуга.

- Еще, я думал, что девушка, способная поверить, будет особенная, но ты оказалась обыкновенной, простой девчонкой.

- Что значит «способная поверить»? - за его последние слова не было обидно.

Ведь я на самом деле была обычной. Той, кто мог затеряться среди города-миллионника, скрываясь от своего личного палача.

- Значит, знать - возможно все, абсолютно все, что только можно вообразить. Нужно только одно - поверить.

Знала. Да, с некоторых пор знала, что в этом мире действительно возможно все. Можно убить, загадав желание, получить работу, помыслив об этом мельком. Можно выиграть в лотерею, не купив билета. Черт возьми, можно поговорить с инопланетянином, жителем из другого конца галактики, загадав его, распивая кофе, сидя на подоконнике.

Вот только нельзя заставить мужчину полюбить себя, потому что как ни желай - насильно мил не будешь. А еще нельзя вернуть отца: мертвые не встают, даже если, загадывая, биться головой об каменную стену.

- Руслан, - позвала, вставая с земли, - я хочу переварить все это. Побить одна.

Не человек легко поднялся вслед за мной. Кивнул.

- Когда решишься, позови. Я буду... тут. У вас здесь много всего интересного.

Что он имел в виду, спрашивать не стала. Развернулась, и на дрожащих ногах, отправилась к клубу - забирать трудовую книжку.

Больше ничто не держало меня здесь.

Полагаю, каждый однажды задумывается о чудесах и всему, что с этим термином связано. Взять хоть вопрос - что будет с нами после смерти. Ведь это волнует каждого, абсолютно любого человека, и желание узнать, является ничем иным как мыслью «за гранью обычного».

Но, что, черт возьми, надо делать, узнав? Заглянув одним глазком в замочную скважину и вместо привычной комнаты углядев там Бога, к примеру? Что делают люди, которым удалось узнать ответы на свои сумасшедшие вопросы?

Уже третий день я не выходила из квартиры, не зная, что делать и куда вообще себя деть. Сдаться в ласковые руки медицинского персонала или всё-таки сделать то, ради чего Руслан пришел. Сделать?

Да, я сомневалась в собственном психическом здоровье, но лишь слегка, для видимости – ведь сомнения должен испытывать каждый здравомыслящий человек, а на самом деле, в глубине души, самым тайным ее уголком, понимала – все, что сказал Руслан, это правда.

Из человека настроенного скептически, я в одно мгновение превратилась в человека, верящего в чудеса. Но, проблема заключалась совершенно не в этом, поскольку мне было глубоко плевать на всех инопланетных существ, вместе с их мирами, названиями, укладом жизни. А вот готова ли я была по щелчку пальцев избавиться от своей безответной любви – тот еще вопрос.

Я то принимала решение, то колебалась насчет него. В итоге, вытоптав на ковре дорожку от дивана к окну, и надоев себе бесконечными метаниями, твердо решила: кину монетку. Выпадет орел – оставлю все, как есть, решка – навсегда вычеркну Данилу из сердца.

И, черт возьми, нетрудно догадаться, что выпало, ведь так?

Выпила таблетку успокоительного, чаю с ромашкой, потом чаю с мелиссой, а монетка так и лежала на столе, решением кверху. Судьба дразнилась, насмехалась, она показывала мне язык, безмолвно крича – «от меня не уйдешь!»

- Руслан, - прошептала я, отставляя чашку в сторону.

На кухне, занавешенный вафельным полотенцем, горел ночник, что я принесла из спальни. Верхнего света не любила, так как слишком резал по глазам, и включала его крайне редко.

За окном город окутала темнота – черничная, густая, как варенье. Шел третий час ночи, поэтому даже фонари у дороги включались-выключались: по большей части отдыхая, нежели светя.

В таком полумраке, изведенную до нервного срыва, меня и застал гость. Тот, которого звала.

Появился за спиной, кашлянул, приветствуя. Не напугал, нет, ведь ждала.

- Решила, Мирослава? – спросил, присаживаясь за стол и переплетая пальцы рук.

Кивнула.

Руслан поднял бровь, немо вопрошая.

- Выпал орел, - сказала я, - поэтому любовь останется мне.

- Уверена? – с малой, но все же долей разочарования, протянул Руслан.

Снова качнула головой. Уверена ли я? Естественно.

- Тогда, - продолжил гость, - зачем позвала?

- Подумала, может, ты захочешь попробовать боли, или радости? Признаться, там так перемешано, что одно от другого не отделить, - гость вопросительно поднял брови, - и, чтобы воспоминания остались со мной. Так можно?

Руслан кивнул медленно, не особенно уверенно, наверное, не понимал – зачем мне его кормить. В прозрачных глазах мелькнуло недоумение.

- Хорошо, тогда заварю еще чаю, ты ведь будешь? И начнем.

Вода вскипела быстро. Распрямились завитые крупнолистовые чайники на дне заварочного чайника, кипятки окрасился бледно-желтым, затем стал зеленым. Я расставила чашки, ложки, поставила на стол мед, сахар, печенье – не знаю зачем, ведь гость не ест, а мне вообще ничего не хотелось.

Металась бестолково между шкафчиками и столом, больше для того, чтобы занять руки. Было страшно вспоминать, впускать в сокровенное незнакомца, вываливать на него сомнения и беды. От волнения ком в горле застрял, а Руслан улыбался краешком губ, наблюдая за суетой.

Когда я села напротив гостя, он успел выпить чашку чая и сложить из бумажной салфетки неведомого природе, зверя.

- Начнем? - спросил.

Кивнула.

- Тогда давай мне руки, закрывай глаза и начинай вспоминать.

Я послушно вложила свои ладони в его горячие, слегка шершавые на ощупь, и закрыла глаза.

С чего бы начать, - подумала лихорадочно, но когда картинки замелькали перед глазами, стало не до мыслей. Эмоции, как штормовые волны – накрыли с головой, затопили.

Впервые он навестил меня спустя девять месяцев после побега.

Я вернулась с вечерних курсов по рисованию на эмали, где занималась последний месяц. Были мысли устроиться дизайнером в одну из фирм-шефов, что курировали подготовительные курсы.

Пришла довольная, с увесистым пакетом сладостей и всякой мелочевкой вроде металлической проволоки для очередной поделки, и кузнечных ножниц. Бросила все это на комод у прихожей, торопливо скинула балетки и, напевая простой мотивчик, направилась в ванную, с намерением вымыть руки.

Мне хотелось поскорей выпить чаю, наспех перекусить и, устроившись за письменным столом, нарисовать пробный эскиз домашнего задания, а потом включить новую серию «Настоящего детектива» и взяться за те сладости, что принесла из кондитерского магазина. Планы были сладкими, как и бисквитные пирожные с ореховой глазурью, что так и ждали оказаться у меня во рту.

Дойти до ванной комнаты не получилось – он перехватил по дороге, вдруг вынырнув из темноты. Зайдя со спины, зажал рот одной рукой, а второй крепко прижал к себе. Я не успела даже пискнуть, не успела среагировать, как в одно мгновение оказалась обездвижена и прижата затылком к твердой груди, а спиной к рельефному животу.

Во рту моментально пересохло, а из горла попытался вырваться нечеловеческий ор – прямо в знакомо пахнущую ладонь. Я не поняла кто это, только то, что этот кто-то вломился в мое

жилище и напал со спины, напугав до трясущихся поджилок и грохотавшего пульса в висках.

Взбрыкнув, попыталась ударить мужчину ногой, но он мгновенно среагировал, отпуская рот и жестко схватывая за горло.

- Тихо, - сказал на ухо шепотом.

Да только вместо того, чтобы успокоиться, ноги окончательно перестали меня держать.

- Не может быть, - прохрипела я, чувствуя, как ладонь отпускает горло и перемещается на затылок, оттягивая волосы, заставляя наклониться.

- А ты кого-то другого ждала, милая? - зло прошептал Данила.

Прямо в лицо произнес, наклоняясь. Развернул как куклу - резко, и впился твердыми губами в рот.

- Что ты делаешь здесь? - пробормотала после жадного поцелуя, пытаюсь унять бешеное сердцебиение, - зачем так напугал, и как, черт возьми, ты вошел?

- Я соскучился, - тесня меня к стене, проигнорировал вопросы отчим, - очень, очень соскучился по своей маленькой девочке.

Когда уперлась спиной в закрытую дверь ванной, он прижался, и стало понятно без слов - действительно соскучился.

Он пах так знакомо, невыносимо родным ароматом: лимоном, домом, куда, такой блудной дочери как я, просто необходимо вернуться. В ту минуту я засомневалась - правильно ли сделала, что сбежала?

- Милая девочка, ты такая сладкая, - как в бреду, продолжал шептать на ухо Данила, - моя, моя маленькая.

Руки его ласково бродили по телу, будто вспоминая изгибы, пробуждая во мне забытые, запертые на навесной замок, чувства. Томление, от которого в груди становилось тесно, жар, что катился комом и тяжело осаживался внизу живота, продолжая разгораться и требовать, тлея.

Широкие ладони накрыли грудь, прошлись большими пальцами по острым вершинам сосков, я закусила губу, чтобы не застонать протяжно. Даниил одним прикосновением - одним единственным, умел будить мою темную, жаждущую ласки, сторону. Дикую, опасную личину, что не успокаивалась, пока не расцарапывала в кровь его спину и ягодицы, что кричала так, что пугала невольных слушателей, если таковые случались.

Лизнул мою закушенную губу, потерся напряженным пахом о живот, провел руками по бедрам, и я готова была ему отдаться - в тот момент беззаветно и навсегда. Но, он улыбнулся.

Да, такая малость, как кривая ухмылка, меня отрезвила.

Господи, - подумала. Он ведь - тот же. Тот, ради кого снова убила бы, но кто так и не смог дать мне желаемого. Это я другая, новая, только-только делающая неуверенные шажки в сторону счастливых дней. И пусть это счастье - всего лишь возможность быть наедине с собой и делать то, что нравится, главное, что там меньше угрызений совести и разнообразных сомнений,

вытачивающих в мозгу норы. На толику, на щепотку меньше, но все же.

И вот он – захватчик, является, готовый взять. И берет, лучась улыбкой победителя. Снисходительной, высокомерной усмешкой. Не встретив препятствия, берет и побеждает.

Не гад ли, мой любимый? Гад, и еще какой.

Я увернулась от поцелуя, хотя внутренне дрожала от желания впиться Даниле в губы с еще большей силой. Оттолкнула, сказав хрипло:

- Прочь.

Отчим отступил на шаг и засмеялся.

- Моя девочка стала решительной.

Я нашарила за спиной дверную ручку, зашла в ванную, вымыла руки, плеснула в лицо холодной водой, пригладила растрепавшиеся волосы.

Щеки горели. От стыда, что едва не отдалась ему в коридоре, от бушующего, не остывшего еще вожделения.

Данила был на кухне. Зажег верхний свет, поставил чайник. Остановилась на пороге, когда отчим открыл верхний шкафчик, видимо, ища чай, или кружку.

Он практически не изменился с последней нашей встречи – остался поджарым, с взъерошенными волосами без пробора, с насмешливым, и слегка снисходительным выражением на лице. Да, это была его любимая маска. Не знаю, прятал ли он за ней хоть что-то, или она была настоящим его ликом.

Я поразились, как этот Даниил, что стоял в тесной кухоньке, мог быть тем Даниилом Александровичем, каким помнила его в детстве: отстраненным, молчаливым, замкнутым. Не иначе, как с ним произошли разительные метаморфозы. Или, это я выросла и рассмотрела его настоящего: властного, опасного, с ярко выраженными собственническими замашками.

Он казался неуместным здесь – в убогонькой квартирке: смотрелся, как чужеродный элемент, невесть как оказавшийся зажатым между газовой плитой и хлипким обеденным столиком.

Обернулся, подмигнул. Нашел турку, поставил ее на плиту.

Думаю, он знал, почему я уехала, хотя о настоящих причинах в той записке, оставленной на дверце холодильника, не было сказано ни слова. Ограничилась сухим «отправляюсь искать себя», а на самом деле от него бежала. Боялась, что растворюсь, исчезну, потеряю рассудок. Ведь уже теряла – на все ради него готова была. Даже не представляла, что так можно любить – совершенно преданно. Заглядывала в рот, в надежде сыскать одобрение, искала его общества, как паломники ищут следы Миссии.

И Данила прекрасно осознавал, что мне тесно в его нелюбви, что она душит. Давит.

Мы со своими дикими отношениями зашли в тупик, поскольку мне необычайно хотелось большего – развития, прогресса, а Данила ничего этого дать не мог. Да и зачем, ему ведь и так было хорошо.

Из этой патовой ситуации для меня было два выхода: первый – остаться на прежнем месте, в

его доме, терпеть нелюбовь и выпрыгивать из шкуры, стараясь для него. Сгорать и медленно загибаться, наблюдая, как он живет, ни в чем себе не отказывая, как меняет любовниц, как ездит с ними на курорты, мелькает в прессе. Обмирать возле киоска с глянцем, увидев Данилу в обнимку с длинноногой моделью на обложке, а потом неумело врать одноклассникам, отчего вдруг сделалось дурно. Терпеть смены его настроения, ждать, пока захочет меня, пока соскучится.

И второй выход – убраться подальше, постараться избавиться от хомута на шее. От этой болезненной любви.

Боже милостивый, как же я хотела избавиться от него. Освободиться.

И, что за наказание – когда нашла дело, что увлекло, позволило немного глотнуть воздуха – свежего, летнего, когда привыкла быть одна, засыпать, думая не о нем, а о расписании на завтра, он приехал.

Явился и стер в пыль все мои успехи.

Вот так ненавязчиво коснувшись тела, проведя ладонями, заставил вспомнить – как это, когда он внутри. Как жарко и тесно, когда наваливается сверху, давя весом на мгновение, чтобы прошептать на ухо, как я сладка. Как я безмерно влажна для него. И как от этих слов всё внутри сжимается, еще больше наливаясь жаром, а он хрипло дышит и прикусывает шею за ухом, отчего я разбиваюсь, брызжу осколками.

Раздразнил.

Заставил вспомнить, как с ним непередаваемо хорошо.

- Мира, - позвал отчим, - поедem домой, девочка.

Подняла на него взгляд, затуманенный картинками из прошлого, но с абсолютной уверенностью в сознании – ехать не стоит.

- Нет, - ответила твердо, - нет.

- Точно? – снимая с плиты турку и разливая напиток по чашкам, переспросил Данила.

- Точно.

- Тогда иди сюда, - позвал он, хлопнув ладонью по угловому дивану, - не зря же я ехал. Иди сюда и поцелуй меня, малышка. Я чертовски по тебе истосковался.

Я хотела сказать нет, даже руки на груди скрестила, показывая, что настроена воинственно, но что-то, мелькнувшее в родных до боли глазах, не дало раскрыть рта.

В глубине этих непостижимо красивых глаз, была тоска. Такая понятная, близкая, ведь я наблюдала ее в своих собственных зрачках: тоже скучала.

И меня потянуло к Даниле нечеловеческой силой. Толкнуло в спину, заставляя шагнуть навстречу, сесть на колени, обхватить его шею руками, зарыть пальцы в густых волосах.

Шквалом накатили эмоции, и я чудом удержала слова на языке. Как же хотелось сказать «люблю», крикнуть, так, чтобы всем слышно было. Но, я была слишком благоразумна и горда, чтобы вот так унижаться. Поэтому просто поцеловала его – как хотела: неторопливо,

наслаждаясь вкусом губ с терпким запахом шоколада, влажно облизывая кончик языка.

Данила выдохнул хрипло, крепко прижал к себе, потерялся, и от этого движения потерял остатки разума.

Он перенес меня в спальню, где раздел, целуя каждый оголившийся участок кожи. Шептал сладко, что сходил с ума без моего запаха и вкуса. Я молчала, позволяя ему все, все, чего так страстно желала сама. И кричала, как любила та – вторая моя сторона, дикая и невоспитанная, первобытная. Стонала, от чего кожа Даниила покрывалась крупными мурашками, а сам он закидывал голову к потолку и жадно, хрипло дышал, не прекращая двигаться. О, как я пульсировала вокруг него, как яростно, протяжно меня захлестывало – до слез, до одуряющих тягучих спазмов, что накрывали всю целиком. И я плакала, крича и сжимаясь. Так было снова и снова.

До тех пор, пока мы совершенно не вымотались.

Проснулась утром с улыбкой. С той самой глупой улыбкой всех удовлетворенных женщин, когда рядом посапывает любимый, и никуда не нужно идти – валяйся себе под боком дорогого мужчины, в ус не дуй.

Пошла готовить завтрак, пока Даниил досыпал, подобрала его одежду с пола, оставила на кресле в спальне. На кухне нашла забытый мобильный, что валялся на столе и как раз звонил – беззвучно, подъезжая к краю столешницы. Без всякой задней мысли взяла телефон, чтобы убрать подальше. Когда же взгляд упал на дисплей, мое глупое сердце на мгновение перестало биться. На одно единственное мгновение, после которого зачастило с утроенной скоростью. Заколотилось, грозя проломить грудную клетку и выскочить вон.

Ему звонила супруга.

Да, так и было написано: «Супруга».

Я отбросила трубку прочь, и она упала на потертый кухонный диван, продолжая вибрировать.

Данила встал минут через десять, а я все это время стояла и молча пялилась на давно умолкнувший мобильный.

- Ты женился? – спросила, когда отчим появился на кухне – умытый, собранный.

- Да, - ответил, скривившись.

Будто кислого съел. Я не поняла, от чего он гримасничал – от того, что женился, или потому, что я об этом узнала.

- Выметайся, - сказала, внезапно севшим голосом.

Горло спазмом свело.

- Мира, - нахмурился Даниил, - брось. Во-первых, я не собирался оставаться и уйду минут через десять, во-вторых, мужчине не пристало быть одиноким, особенно имея такой статус и положение, и да, я женился. Не понимаю, отчего ты злишься.

- Вон, - повторила я.

Прокаркала.

Данила усмехнулся, глядя на мое искаженное лицо, застывшую позу, покачал головой и, поцеловав меня напоследок в уголок рта, ушел.

«Не понимаю, отчего ты злишься». Чертов сукин сын.

Я согнулась пополам, едва за ним захлопнулась дверь, зарычала от бессильной злобы и боли, что накрыла с головой.

Он явился спустя девять месяцев – не поленился, нашел, чтобы снова заставить испытать всё – от бескрайнего наслаждения, до бесконечной, удушливой боли.

Явился, чтобы позвать домой. К новой, мать его, молодой жене.

Больше всего в тот момент мне хотелось исчезнуть с лица земли. Испариться. Перестать быть.

Я ненавидела Данилу так, что готова была убить голыми руками. И, чтобы избавиться от навязчивых идей, выпила седативного – убойную дозу, но помогло так себе.

А потом собрала вещи, распрощалась с немногочисленными приятелями, заказала плацкартный билет на край света и отбыла в пустоту, в никуда.

С одной только мыслью, бившейся в сознании – подальше, как можно дальше из этого города, где он смог найти меня.

Теплые, шершавые ладони сомкнулись на пальцах, отвлекая, вырывая из неудобных объятий прошлого.

Я боялась открывать глаза, потому что знала – стоит разлепить веки, как потекут бессильные слезы. Горькие и бесполезные. Жалкие.

Было больно. Чертовски больно вспоминать.

- Мирослава, - позвал Руслан.

Я открыла глаза, улыбнулась, поскольку гость сидел, сыто откинувшись на спинку стула. Утерлась небрежно и спросила:

- И как?

- Сытно, и слегка горько, - шурясь, ответил мужчина, - но мне... понравилось. Это не такое сладкое чувство, как я привык, но оно необычное. Пикантное – так у вас говорят?

Я засмеялась. Боже, мы сошли с ума. Определенно сошли с ума.

- Тебе нужно поесть, - Руслан подвинул в мою сторону пиалу с печеньем и заварочный чайник, совсем холодный.

Кивнула, послушно беря выпечку и наливая в чашку напиток. С трудом успела прожевать и сделать глоток, когда неодолимой тяжести сила смежила веки. И я отдалась теплым волнам, что кружили голову, сильным рукам, что бережно подхватили и унесли мое засыпающее тело в мягкую постель.

Утро началось с улыбки, что было приятным исключением. Открыла глаза, солнцу улыбнулась – оно тоже присутствием радовало не так часто, как хотелось бы. Вчерашние посиделки с инопланетным гостем уже не давили на сознание своей тяжестью. Было и было, осталось в прошлом.

Потянулась, повернулась на бок и застыла: с левой стороны постели на меня посматривали лукавые золотые глаза. Сам Руслан лежал поверх одеяла, в одежде, даже не сняв ботинок. И, надо признать, вид у него был слегка удивленный.

- Что такое? – спросила, подтягивая одеяло повыше.

Я также была одета во вчерашнюю майку и плотные леггинсы, но майка помялась, словно ее пожевал бегемот, и одна из бретелек съехала с плеча.

- Ты бормотала во сне, - сказал Руслан.

Тут следовало бы заметить, что лежать в одной постели с незнакомцем было слегка неловко. Руслан являлся мужчиной видным, даже красивым, а теперь – когда исчезла его показная грубость, ничего черты не искажало и не портило. И эта наша женская натура – та самая, которая хочет всегда выглядеть на «все сто», даже для незнакомца мужчины, даже для прохожего, вдруг дала о себе знать. Я представила, что волосы сейчас страшно всколочены, кожа на лице со следами швов от подушки (обещала ведь выкинуть эти тонкие наволочки к чертовой бабке) и ужаснулась. Нет, нельзя показываться в таком виде даже инопланетному существу, хотя у него могут быть весьма своеобразные вкусы. Да.

- И что? – на ходу переспросила, выпутываясь из пододеяльника.

- На большинстве планет, где мне пришлось побывать, во снах разговаривают только пророки, - сказал Руслан, когда я уже направлялась в ванную.

Обернулась, пожала плечами:

- Да? А у нас – каждый пятый.

Когда вышла из душа и явила себя посвежевшей, Руслан сидел за кухонным столом и посматривал в окно.

- Расскажи о себе, о своей расе, - попросила я, разбивая яйца на раскаленную сковородку.

Зашкварчало, по кухне сразу расплылся запах, от которого желудок встрепенулся.

Гость повел носом, моргнул. Сейчас из его глаз пропало золото, сменившись привычной бледноватой голубизной.

- Мы кочевники – мотаемся по мирам, - пожал плечами Руслан.

Я ждала продолжения, но его не последовало. Разлив кофе по чашкам, обернулась, поставила одну ему.

- И, все? Или нельзя рассказывать?

- Почему же, можно. Просто ты вряд ли поймешь, - ответил гость и сделал большой глоток.

- Попробуй, - склонив голову набок, попросила я, - любопытно же.

- Планета, на которой я родился - пуста. Там никого и ничего нет. Просто равнина, из которой раз на тысячелетие или около того, рождается такой вот «кто-то», - Руслан махнул рукой, показывая на себя, - не знаю, сколько нас - десяток или сотня, может, тысяча. Я только одного встретил, но не здесь. Он, как и я, возник из ничего. Сразу - взрослым, разумным, понимающим языки, с зарождающимся голодом. И как только голод стал невыносимым, началось путешествие, - мужчина допил кофе, посмотрел на меня и усмехнулся.

Да, понятного мало. Но, кто сказал, что все существа во Вселенной подобны нам.

- Ты что, просто летишь на другую планету? Ну, кушать там - ужинать, завтракать, - я покачала недоуменно головой, ожидая ответа.

- Растворяюсь и появляюсь там, где меня могут накормить, - кивнул Руслан.

- Но, ты так похож на человека, - протянула, внимательно оглядывая лицо гостя.

- Все зависит от расы, Мирослава. Если я попаду на планету разумных, испытывающих эмоции кузнечиков, я буду подобен им.

Я кивнула ошалело, и решила больше не задавать вопросов, пока окончательно не спятила.

- Мое существование - как и все прочие, бессмысленно, я живу только для того, чтобы поглощать, питаться, - продолжил Руслан, - я понял, что люди часто задаются вопросами мироздания, патетически вопрошая «для чего я родился». И из того, что удалось повидать, пожить, могу сказать, что люди созданы, чтобы быть - как и все остальные существа в бескрайней Вселенной. Жить, дышать, пить, есть, думать, говорить и делать. Во всех многообразиях форм, цвета, размеров, жизнь дана просто для того, чтобы быть. Поэтому я - ем, а ты отдаешь.

- Да, - немного невпопад ответила я, - давай больше не будем говорить о высоких материях и неземном, ладно? Я боюсь тронуться умом.

- Ладно, - улыбнулся Руслан, - ведь говорил - мы просто незнакомцы, что встретились на мгновение. Пересеклись, задев друг друга плечами, и через минуту разошлись, чтобы затеряться в толпе и никогда больше не увидеться. Ты отдашь все, что хочешь отдать, я возьму это и с удовольствием съем, и мы расстанемся, вернувшись к обыкновенному, привычному для нас жизненному укладу.

- Хорошо, - согласно кивнула я.

Привычной было считать Руслана обыкновенным мужчиной, что выслушивает беды, держа за руку. А то, что он питается моими эмоциями - можно выпустить из виду.

Мы еще посидели немного, поговорив о пустяках, я вымыла посуду, вернулась за стол, чтобы выпить вторую чашку кофе. Руслан не напрягал своим присутствием, знала, что если захочу побыть одна, он рассеется, чтобы побродить по планете и вернется, когда соизволю позвать.

Он был бесконечно странным, но ещё и внимательным, знающим. Это не давало мне пугаться, теряться и пялиться на него во все глаза.

Ничего не говоря, повинувшись порыву, протянула к нему руки ладонями вниз, и спустя мгновение, он сжал их крепкими пальцами.

И я снова погрузилась в прошлое. Уже не только для того, чтобы накормить гостя, а потому что самой захотелось вспомнить.

Второй, не менее внезапный случай, когда Даниил втиснулся в реальность, случился через год после нашего последнего некрасивого расставания.

Даже не так. Он ворвался, но не сам.

В то время я обреталась в небольшом городке на севере страны, что с трудом мог называться цивилизованным. Работала почтальоном во втором отделении – разносила по домишкам пенсии, газеты и журналы, (жители не хотели знаться с пластиковыми карточками, а при слове «интернет» если не крестились, то глядели сочувственно, и тяжело было доказать, что хотела сказать именно «интернет», а не «интернат»).

На этот раз я снимала не квартиру, как было ранее, а полдома на одной из тихоньких улиц. На другой стороне строения обитала пожилая пара: красноносый дядька Толик, что пребывал навеселе в любое время суток, и тётя Таня, что «на деревне» слыла дамой продвинутой, поскольку лихо разъезжала на малюсенькой двухдверной оке.

По моему мнению, соседи являлись диковинной парой, и с первого взгляда тяжело было представить, что держало их рядом друг с другом столько лет. Со второго взгляда ситуация более-менее прояснялась – миниатюрная Татьяна имела до того шаткую нервную систему, что вывести ее из равновесия могла обыкновенная мелочь. Но, кроме этого, в организме соседки наличествовали крепкие голосовые связки, да такие, что ее ругань слышала вся улица – даже глуховатая баба Маня, к которой частенько захаживали подружки играть в лото, жаловалась на шум. А вот Анатолий, в силу своей расслабленности (по сто грамм через каждый час, где там к вечеру на ногах крепко держаться) крики воспринимал в пол уха. Так и коротали вечера: соседи вечно цапались, парадоксально сохраняя при этом гармонию в супружеском взаимопонимании, а мне приходилось стучать по стенке тапком, чтоб напомнить, что пора укладываться спать.

Жилось интересно, поскучать времени не оставалось. Я снова отвлеклась от дел сердечных, работая, общаясь с людьми, а также погрузившись в изучение «Автобиографии Бенджамин Франклина». Не то чтобы питала интерес к сюжету, книга скорее служила хорошим снотворным средством – даже после «ленивого» дня (и если соседи в виде исключения помалкивали), удавалось раззеваться да задремать на втором абзаце.

Словом, я много ходила, дышала свежим воздухом, вкусно ела, вовремя ложилась почивать, и даже набрала пару килограммов, что в некоторых местах придало угловатой фигуре интересных изгибов.

Ещё, в том городишке я слегка одичала. Не то, чтобы разучилась пользоваться ножом и вилок, но практически все прелести новостей и осведомлённости – проходили мимо, не озаряя. Да, я знала кучу сплетен: какие баба Нюра покупает гостинцы внукам, откуда у Ленки из тринадцатого дома новенький холодильник, сколько сахара кладет Валентина Яковлевна в свой самогон, но это, естественно, не могло заменить обыкновенных новостей. Например, о назначении нового генерального прокурора центрального округа и об аресте предыдущего, узнала из криков соседок. Стены, ясное дело, в домике были тонкие, окошки из-за жары настежь распахнуты, и ровно в восемь двадцать дядя Толик весьма непечатно высказался о новой фигуре правосудия, а тётя Таня на удивление его поддержала, выразив своё мнение в

куда более нелитературном формате. И все бы ничего, можно было думать - с какой стати мне сдался какой-то прокурор, если бы он не был моим знакомым: захаживал к отчиму, бывало. Поэтому, новость стала весьма неожиданной. Правильно говорят - от бед не зарекайся.

Так что, регресс культуры шёл полным ходом: с некоторых пор телефон валялся разобраным (с вынутой симкой и батареей), телевизора не имелось, электронной почтой не пользовалась - деловых писем слать было некому, а с немногочисленными приятелями я изредка общалась в социальных сетях, перекидываясь пустыми фразами, когда удавалось «словить» интернет. Чувствовала себя Робинзоном, и это ощущение на удивление было приятным, лестным.

Я нравилась себе вот такая - простая в общении с капризными пенсионерами, домашняя - без тяги к ночной жизни и лоска моды, неприхотливая в быту и полностью свободная. Я могла быть той, кем хочу, могла быть кем-угодно и в то же время никем вообще. И я была.

Не играла роли, а являлась обыкновенной девушкой, почти деревенской, одичавшей, с отросшими кутикулами и нестриженными волосами, потому что в тот момент хотела такой быть. Парадоксально, но эта власть над собой и собственной жизнью вселяла дичайшую уверенность в себе. Я засыпала с улыбкой и с ней просыпалась, зная: все под контролем. Наверное, поэтому то, что произошло в дальнейшем, стало совершенной неожиданностью, и отразилось на мне более глубоко, чем должно было.

И снова не случилось ничего сверхъестественного, такого, что перевернуло бы мою и без того ущербную душу вверх дном. Просто в один из дней застала на пороге незнакомую дамочку, предварительно наткнувшись у забора на литой внедорожник с вывернутыми наружу колесами.

Она сидела на деревянной ступеньке, сунув под зад сумку от Шанель. Я шла от калитки (что не запиралась) к дому, и упорно рассматривала бузину, выросшую по бокам от вытопанной тропинки, после недавнего дождя, вместо того, чтобы подумать о том, что, и главное - кто, меня ждёт. Так было, потому что где-то в глубине души я знала кто незнакомка и зачем она здесь. Знала, но упорно отвергала это знание.

Всё же, тропинка быстро закончилась - да и что там её было, метров десять.

Подойдя, уставилась сперва на сумку, а потом на женщину. Она не торопилась вставать, сидела себе, и меня разглядывала из-под дизайнерских солнцезащитных очков. На ее лице явственно проступала брезгливость пополам с недоумением.

Надо было признать - дамочка была хороша. Заметна тем самым лоском, ухоженностью, что выделяет ей подобных женщин из многотысячной толпы. Локонь струились по плечам и имели роскошный каштановый оттенок: хвастали красноватым, глянцево-натёртым переливом, как блестит отполированный каштановый бок в предзакатных лучах. Кому-то могло показаться высокопарным такое сравнение волос, но они воистину были шикарными, и я прекрасно знала, что такой эффект достигается регулярными походами в салон, ежемесячным ламинированием, кератиновыми масками и тщательным профессиональным уходом. Уже только за одну старательность в поддержании внешности на таком уровне, можно было уважать незнакомку. А ведь кроме волос у неё имелась идеальная фигура, что тоже нетрудно было разглядеть. Одетая женщина была в лёгкий сарафан от известного за границей дизайнерского дома, что не скрывал стройных ног, тончайшей талии и изящного остального.

В целом она выглядела на миллион. И не то чтобы я оценила её из зависти, отнюдь. Она на самом деле была красивой, и всё в ней кричало о богатстве и высоком положении. Да и я, если

честно признаться, даже со своими неухоженными кутикулами и отсутствием макияжа, проигрывала только в росте, ну и, пожалуй, в отсутствии брендовых шмоток.

Бренд признала легко, потому что выросла среди модных глянцевого журналов и кучи дизайнерского тряпья, слушала нескончаемые обсуждения новых коллекций, которые обновлялись четыре раза в год, и прочую болтовню родительницы с самыми модными и популярными людьми мира.

Так же, глядя на дамочку, что восседала на замшевом чуде своим тощим задом, догадывалась, что это точная копия моей матери. Один в один. Такие, как она – щебечут о пустяках, изводя мужчин до того самого состояния, когда платиновая карта с бесконечным лимитом становится искуплением и избавлением. Такие диво-девочки завтракают в Милане, обедают в Париже, а ужинают в Берлине.

И ещё, я вполне осознавала, что такие красотки не выпускают свою жар-птицу из рук. Они борются за нее до последнего вздоха, до последнего целого ногтя.

К тому же, стоило признать - есть такие жар-птицы, которые действительно стоят борьбы.

Я вздохнула. Пауза вышла за все рамки приличного.

- Здравствуйте, - поздоровалась, и прошла к двери, звеня ключами.

Незнакомка поднялась - изящно, как могут только особенно грациозные девочки, и прошла за мной в дом, вертя головой и морща хорошенький носик.

Я бросила пакет с покупками на разделочный стол, обернулась и встретилась с хищным взглядом голубых глаз. Без очков она оказалась младше, чем я предполагала: навскидку - не больше тридцати.

- Невероятно, - пропела незнакомка, блеснув белоснежными зубами, - убогая девица в убогой лачуге. Я думала, придется прорываться с боем, а тут...

- Вы кто? - перебила я.

Миндальничать и строить из себя воспитанную леди, было откровенно лень.

- Я? А ты еще не догадалась, потаскушка? - девица огляделась, скривилась брезгливо и снова мне в лицо посмотрела.

Надо думать, в атаку пошла.

Гадать было нечего, я прекрасно знала кто она такая, только не совсем понимала, чем вызван этот визит.

- Вы зачем приехали, и как вообще меня нашли? - поинтересовалась, подходя к раковине и подставляя руки под холодную воду.

- А что тебя искать, если твой адрес в Данином ежедневнике красным маркером отмечен, - повысила тон мачеха.

Ей-богу мне пора было рассмеяться. Знакомство получилось занимательным.

- Так, а ехали-то зачем? - настояла на своем, вытирая руки полотенцем.

- В глаза посмотреть хотела, проститутка ты малолетняя, - продолжила яриться новая Данилова жена, - я, его законная супруга, ехала за тысячу километров, чтобы патлы твои повыдрать и морду расцарапать, - выдохнула, набрала в грудь воздуха, а я рассмеялась ей в лицо.

Это было бы интересно. Правда. Я - выросшая на улице, колотящая соседских пацанов, и девочка-припевочка в костюмчике от Армани, катаемся по давно не метеным сеням. Цирк.

- Вы, поосторожней-то, - ответила, отсмеявшись и прищурившись, - желанья, они имеют свойство сбываться.

Мачеха надменно фыркнула и задрала нос.

- Как часто он приезжает? - повелительно наклонив голову, спросила через минуту.

Видимо, отступать не собиралась.

- Раз в год, - совершенно честно ответила я.

По статистике - если считать от моего первого побега из дому, получалось как-то так.

- Что? - округлила яркие глаза девица, - да у него твоих фотографий по сто штук на сезон, причем все в разных ракурсах и позах, - снова раскричалась дамочка.

Я же в недоумении выгнула брови.

- На, смотри, - кинула на столешницу плотный коричневый конверт, из которого выскользнули фотографии, и скрестила руки на груди.

На снимках действительно была я. Не в подростковом возрасте, как думалось ранее, а запечатленная буквально на днях.

На одной из карточек я ела персик, сидя на крылечке. Ветер взметнул волосы, пришлось наклонить голову к плечу и убрать подальше фрукт. Черно-белый снимок был сделан издали и немного сверху, но увеличен в несколько раз, отчего были видны волосинки, запутавшиеся в ресницах от ветра. Я щурилась довольно от сладкой мякоти на языке, улыбалась, и как раз облизывала большой палец - стирая сок, когда щелкнул затвор. Фотография получилась откровенной в своей безыскусной простоте.

На второй, тоже черно-белой, одевалась, стоя у зеркала. Оголив спину, волосы были перекинута на одну сторону - у левой лопатки виднелась аккуратная родинка. Из одежды на мне были только кружевные черные трусики. В отражении во всей красоте предстала грудь, лицо, со спокойным, еще сонным выражением: глаза были опущены на черный бюстгальтер, что как раз вертела в руках, и фотографу не удалось словить их выражения. Впрочем, это было бы лишним - снимок, сделанный из окна, и без того вышел до невозможного эротичным. Будто я позировала нарочно.

Остальные фотографии пролистала быстро. Они были цветные, и на каждой запечатлелась разная я: ела, спала, шагала по дороге с дурацкой почтальонской сумкой через плечо, разговаривала с людьми, ехала в трамвае, каталась на велосипеде.

Вот я закапываю глаза бездомному коту, а он вырывается, отворачивает морду и норовит цапнуть за руку задними лапами. У меня на лице решимость, сумка валяется на земле, из нее

выглядывают газеты и даже число видно – двадцать третье мая. Впрочем, тот день я помнила и так: у недавно родившегося котенка загноились глаза и я, купив специальные капли, упорно пыталась эти глаза закапать. Гонялась за ним по всей околице...

На следующем снимке снова я: смеюсь, запрокинув голову, и держусь за плечо внука бабы Кати – одной из пенсионерок, кому приношу деньги. Рослый, чернявый паренек как раз приглашал на свидание, а я веселилась и не понимала, отчего он обижается. Наверное, просто отвыкла от подобных приглашений.

М-да. Отодвинула снимки в сторону, подняла растерянный взгляд на жену Даниила и спросила:

- Откуда это? Где вы их взяли?

- Из верхнего ящика его стола, - подбоченившись, ответила женщина, - ну так что, малявка, будем разбираться? И вообще – объясниться не хочешь?

Ее вид кричал о том, что она не собирается и шагу ступить в мою сторону, словно я была больной и заразной, не то что «разбираться». Но, задор подначивать и шутить – пропал.

Нашарила стул и села – не могла отойти от увиденного. Чертов Даниил, совсем спятил.

- Вас как зовут? - спросила я.

Если судить по фотографиям, да и по поведению, она ничего не знает, только подозревает. И приехала сюда только от обиды: как это, муж предпочел ей – красавице, какую-то непонятную замарашку.

- Оля, - дернула головой мачеха.

- Прекрасно, - кивнула я, - Оля, видите ли, отчим старается не выпускать меня из виду, вот и присматривает. Звонит иногда, (да, звонил, пока я не вынула батарею из телефона) но мы не виделись чуть меньше года, поэтому все ваши подозрения, они...

- Что? - перебила Ольга, поднося руку ко лбу, - кто? Отчим?

- Да, Даниил – он мой отчим, - кивнула я.

Неужели не знала? Ну не дура ли. Хотя, быть может, он убрал из зала наш семейный портрет. Чтобы лишний раз глаза не мозолил.

- Охренеть, - сказала мачеха и присела на корточки, хотя недалеко стоял стул, заваленный старыми газетами, - он убьет меня, - прошептала враз побелевшими губами и резко встала, - прости, прости, мне пора.

Ольга развернулась на каблуках и, схватив сумку, принялась сгребать фотографии. Ее поведение заставляло усомниться в умственных способностях: даже не спросила, почему это я полуголая на некоторых снимках и для чего Даниил послал человека их сделать – столько, тайно. Я бы, как минимум задумалась – по отцовски ли Даниил любит?

- Что такое? - протянула, хотя прекрасно понимала «что такое».

- Если он узнает, что я приезжала, говорила все эти гадости, он убьет меня, - не слушая, пробормотала Ольга.

Больше того, - хотелось сказать мне, - если узнает, что ты рылась в его столе, то выдворит вон голую и босую. А вот касаясь наговора - зря. Ведь в точку попала - любовник, как есть - хотелось сказать, да, но я промолчала.

- Ты, ты - Мирослава? - подняв взгляд от стола, спросила Ольга, и прекратила беспорядочно рыться в сумке.

Она переменялась. Не просто потеряла боевой задор, но и как-то поблекла внешне. Неужели так боялась Даниила? С каждым взглядом у меня возникали новые и новые вопросы, например, что он делает такого, отчего Ольга дрожит.

Я кивнула, а она чуть было не схватилась за свои роскошные волосы.

- Он говорит о тебе каждый день, рассказывает, как возил в школу, как мазал зеленкой укус какой-то собаки, как вы катались на лыжах, - Ольга перечисляла, а я кивала и тайком поглаживала шрамик на руке от укуса соседского ротвейлера, вспоминая.

Да, так и было. Возил, мазал, катались. Все это было до того, как я в кровь кусала его губы, пока горячие руки задирали подол моей юбки.

- Данилочка рассказывал, что ты уехала путешествовать по стране и пробовать себя в разных амплуа. А я - дура, даже не сложила два и два. Он меня точно убьет, мне пора, и еще раз прошу - прости, - Ольга кинулась вон из дома, а я неторопливо вышла за ней на крыльцо.

И куда только ее изысканный лоск подевался - вон, как удирает, словно стая волчья по следам несётся. Скрипнули шины за воротами, через секунду на дорогу вырвался высокий джип, и, подняв столп пыли, скрылся за поворотом.

На этом можно было бы поставить точку, но бегством мачехи история не закончилась. Отнюдь.

В ту ночь не спала. Думала - как долго Даниил за мной следил? Если судить по фотографиям, весь год. И это осознание принесло болезненное любопытство - зачем следил, для чего хранил те снимки. Вслед за любопытством накатила тоска - по ласковым рукам и пылающему взгляду, по его протяжному, хриплому «Мира». И мачеха - точная копия предыдущей, зачем он только женился? Чтобы было кому его деньги тратить?

К утру надумала собирать чемоданы. Убегать. Снова.

Но, не успела.

Он приехал едва расцвело.

Залаял соседский пес, послышался близкий шум мотора, потом скрип тормозных колодок где-то неподалеку от забора, хлопок дверцы. Лязг калитки, тихие шаги по дорожке. Нетерпеливый стук по оконному стеклу.

Распахнула дверь как можно скорей, пока не перебудили соседей.

- Что она тебе сказала? - отеснив от створки плечом и войдя в дом, спросил Данила.

- Ничего, - пожала плечами.

От него пахло дорогой свежестью, одет был с иголочки, но небрит: колючая щетина на щеках скрывала бледность кожи. Глаза лихорадочно блестели, нездорово. Сколько он в пути? Выехал

чуть позже жены. Наверное, как только узнал, куда она отправилась. Пять часов в самолете, еще столько же – от соседнего городка на электричке, а потом, взяв машину напрокат – гнал, небось, что было мочи.

Устал, и по глазам это было видно. В груди у меня шевельнулась жалость, смешавшись с радостью от встречи.

Снова, это случилось со мной опять – стоило увидеть его, как сердце заколотилось, внутри все задрожало от счастья. Полетели в тартарары все зарок и обещания, данные в минуты душевной борьбы.

Какое же все-таки сильное это чувство – любви, жажды, потребности в человеке! Оказалось, что для того, чтоб пробудить во мне все эмоции, от которых убегала за тысячи километров – всего-то и нужно, что увидеть его. Вдохнуть аромат его туалетной воды, в глаза заглянуть.

Я бы все ему отдала – и что имела, и что нет. Простила бы и женитьбу эту дурацкую, и быть может, вернулась бы.

Если бы полюбил.

Если бы смог.

- Как это «ничего»? – нахмурился Даниил, – не молчала же. Ольга оскорбила тебя? Ударила?

- Конечно нет, – фыркнула я, – она просто-напросто показала фотографии, да поинтересовалась – что это у нас за родство такое странное. Нетрадиционное. Я сказала, что мы не кровные родственники, поэтому инцест отпадает.

Даниил еще больше нахмурился, покачал головой.

- Твой юмор как всегда сражает. Наповал.

- А кто сказал, что я смеюсь? – прошла мимо него, зажгла свет на кухне.

Даниил огляделся, будто обстановка была ему интересна. Поморщился. И когда только снобизмом обзавелся?

- Что там с фотографиями? – спросила между делом: кофе засыпала в турку.

- На память. Чтоб были, – весьма исчерпывающе ответил отчим.

- Ты зачем приехал? – обернувшись, спросила я.

- А что, не понятно? – неожиданно зло ответил Даниил, – к черту бросил все дела, чтобы на здешних динозавров полюбоваться.

Отвернулась. За кофе смотреть необходимо было. Чтоб не сбежал.

Через несколько мгновений горячие руки обхватили поперек живота, прижали с силой к твердому, горячему телу, остро пахнущему свежесрезанной осокой. Я зажмурилась, потому что боялась расплакаться – как последняя дурочка, прятала свои чувства от нас двоих. А еще – скучала. Так скучала, что стоило ему обнять, задохнулась от счастья. Откинула голову отчиму на грудь, выключила плиту с так и не закипевшим напитком.

- Мне тебя не хватало, - прижимаясь сильнее, выдохнул в волосы Даня, - знала бы, как завидовал фотографу, потому что тот мог смотреть на тебя, обретаясь где-то поблизости. А на снимках ты получалась такой счастливой, что мне было больно. Ведь ты не должна быть счастлива без меня.

Я не была - хотелось крикнуть мне. Не была!

Но вместо этого повернулась и лизнула его за губу, а потом, не давая и секунды опомниться, прижалась устами.

Бывают такие мгновения, когда от счастья кружится голова, а сердце в груди бьется так неистово, что хочется возликовать, пуститься в пляс или громко запеть. Когда Данила подхватил меня в ответ на поцелуй, когда его широкие ладони врезались в тело, и прикосновение рук опалило кожу, со мной случилось именно так. В самом, что только есть блаженстве, застонала ему прямо в рот.

Боги, как же он пах! Лимоном и горьким миндалем, еще чем-то неуловимым, очень мужским, отчего у меня пересыхало во рту - так хотелось лизать, прикусывать кожу, пробовать на вкус. Я не представляла насколько соскучилась по Даниле, пока он не втиснулся в личное пространство, наполняя воздух, меня - собой. Пока не ощутила его жаркие прикосновения - нетерпеливые, тягуче-сладкие.

О, как я извивалась, как прикусывала до крови губы...

На коврике было жестко лежать. Рябило в глазах от его разноцветных полосок, в живот впилась острая хлебная крошка. Зато нашлась невесть как закатившаяся за стол сережка. Потеряла ее с месяц назад, а теперь нашла, и вертела в ладони, задумавшись. Даниил курил свою самокрутку, забросив ногу на мою попу.

Хотелось кушать и плакать. И, пожалуй, стать автором пособия «От счастья до самобичевания за несколько минут».

Да, я была удовлетворенной, слегка охрипшей, но еще ощутимо недовольной собой. Этот возникший из ниоткуда подкожный зуд, мешал наслаждаться реальностью, не давал сосредоточиться и подумать. Он толкал на глупые поступки, и вместо того, чтобы порадоваться - Даня здесь, поглаживает по спине, щекочет кожу никотиновым дыханием, я размышляла о принципах.

О, если бы кто-то сказал мне тогда - к черту принципы, если они делают человека несчастным! Я бы выбила эти слова у себя на коже, зарубила бы их на носу. Но, тогда во мне бушевали гормоны, ревность, затаенная злость, и мудрым мыслям в голове не было места.

Лежала себе на тончайшем кухонном коврике, мерзла и думала, что есть люди, которые постоянно - изо дня в день наступают на одни и те же грабли. Со всех сил наступают, расшибая лоб черенком. Причисляла себя к этим «везунчикам», забывая поразмыслить, что эти несчастные люди с незаживающей раной на челе, просто идиоты. Можно ведь пойти другой дорогой, или убрать чертов инструмент, зашвырнув его далеко в кусты.

Что и говорить, немо предавать себя анафеме за глупость, было моим единственным талантом.

Даниил чувствовал недовольство. Все-таки он был мудрым мужчиной, кто прекрасно разобрался во всех этих психологических тонкостях.

- Просто возвращайся, - сказал, туша окуроченный об блюдец.

- Просто катись к чертям, - ответила, поднимаясь, и вспыхивая в миг, - или думаешь, что заняв старую комнату, позволю на досуге потрахивать себя, пока твоя женушка катается по Европе? Мы это все уже проходили, хватит.

- Я куплю тебе квартиру в городе, - пожал плечами отчим.

Зло натянула майку, рассмеялась таким себе горьким смехом, почти истеричным. Подозреваю, что смотрелось это некрасиво - мне никогда не была к лицу истеричность, потому что таким поведением до боли смахивала на покойную матушку. Но, тогда, в пылу скандала, было не до того.

- Так не будет, - по слогам произнесла, чувствуя, что не могу остановиться, - не буду твоей шлюхой, когда захотел, тогда и трахнул!

- А как будет? - тоже повысил голос Даниил, - будешь, как ужаленная носиться по стране, устраивая из своей жизни цирковое представление? Посмотри вокруг - разве можно так жить, в этой деревне, без элементарных условий? На себя посмотри - где твое жизнелюбие, убегаешь непонятно от чего!

- От тебя убегаю, - заорала я, - потому что ты не даешь покоя! Жить не даешь! Сколько можно меня преследовать?

- А как можно оставить тебя без присмотра, - закричал отчим, поднимаясь на ноги, - ты же совершенно чокнутая! Что стоит вернуться в родной город, чтобы я не бегал за тобой как собака, не нанимал людей следить, и ежедневно докладывать, как здесь обретаешься?!

- Это ты бегаешь? Ха-ха. Это я, завидев тебя вдруг ноги расставляю! - уже не контролируя, какие слова вылетают изо рта, орала я.

- Вот и возвращайся! Сэкономим нам обоим силы, - устало, но упрямо заявил Даниил.

- Нет, - мотнула головой, - категорически нет, ведь ты взял в жены первую, подвернувшуюся на пути модельку, вместо того, чтобы дать нам шанс быть вместе!

- А кто уехал, не сказав ни слова, оставив лишь трусливое письмо? Я, тогда как раз думал - может, и правда стоит плюнуть на скандал, и открыто обо всем объявить. Да вот только не успел.

- Чуть, - сбавив обороты, но все еще безмерно зло, ответила я, - мне не нужны были никакие публичные заявления.

- А что, что тебе было нужно? - прищурившись, спросил отчим, наклоняясь ко мне.

Стиснула зубы. Ни за что не произнесу эти слова вслух.

- Видишь, ты и сама не в курсе, - покачал головой отчим.

- Да что ты за человек такой! - опять закричала, в отчаянии закрывая глаза. - Просто полюби меня! Полюби!

Воцарилась пауза. Такая оглушительно тихая, какая может быть между взбешенными людьми, да еще и в умиротворенные шесть часов утра. А потом Даниил ответил свистящим шепотом:

- Так это я тебя не любил?

Глаза распахнулись сами собой. Что это был за поворот! Прямо голливудские сюжетные перипетии.

- Убирайся, - легко топнула ногой, показав рукой на дверь, - и никогда больше не приезжай, потому что я убью тебя, если еще хоть раз увижу.

Отчим усмехнулся. Криво, как по обыкновению любил улыбаться.

- Наши расставания до абсурдного одинаковы. Разнообразь их, милая.

- Ненавижу, - ответила я, и в тот момент действительно ненавидела.

- Брось, - ответил отчим, - мы оба знаем, что любишь. Так сильно, что никогда не сможешь полюбить кого-то еще.

Что стоило ему вместо этих слов сказать другие? Например, - «Я разведусь с Ольгой, буду твоим, только возвращайся», или: - «Прости меня, я во многом был неправ», а еще лучше - произнести и то, и другое, вместе.

Но, передо мной стоял тот самый Даниил, кто заработал свои миллионы до двадцати пяти, кто не прогибался перед людьми, а шел в лобовую атаку, в пыль кроша конкурентов. Кто не имел в лексиконе слов сожаления и не привык извиняться. Тот самый Даниил, кто не давал слабину и не снимал маску отрешенности даже в постели с любовницей.

Он промолчал, не селясь исправить то, что было разрушено - до самого основания. Поэтому я отвернулась и ушла в спальню, а через несколько минут услышала хлопок входной двери. Спустя еще парочку, послышался шум мотора.

- Ну и катись, - прошептала, падая на кровать.

В позе морской звезды я пролежала не так уж долго. Немного поплакала, еще чуть-чуть бездумно поглядела в потолок. А к обеду успела рассчитаться с работы и собрала немногочисленные пожитки.

Да, я снова бежала, куда глаза глядят. Как хомяк непрерывно бежит по своему колесу, так и я удирала с насиженного места, после бурных встреч с возлюбленным. Эта дурная привычка пристала, как нехилый клещ. Но, ничего не могла поделать - тело просило движения, а душа - перемен.

Провожать меня вышли соседи.

Тетя Таня была на удивление тихой, даже вызвалась подвезти до вокзала. Дядя Толик глядел с надеждой, и ее причина выяснилась, когда обнял на прощание: попросил на ухо одолжить двадцатку на пиво.

- По почте вышлю, - почесав нос и сунув купюру в карман, кивнул сосед.

Я махнула рукой и бросила сумку в багажник.

- Ты это, - сказала по пути к месту назначения, Татьяна, - дала бы ему еще шанс. Судя по всему, неплохой мужик, да и любит тебя - непутевую. Ты подумай - стал бы мотаться, если б не любил? И не сердись, что крики ваши слушали - волей-неволей, ты ж знаешь.

Я вздохнула, пожала плечами и отвернулась к окну. Может и любит. Да только не так, как мне нужно.

Мы обнялись с соседкой на прощание – тепло, раз и навсегда расставаясь.

Села в автобус и отбыла куда-то на юг.

Меняла города, имидж, образ жизни, работу. Время летело. Больше мы с отчимом не виделись, хотя он исправно звонил, писал, напоминая, что не выпустил из виду. Угрожал, если ходила на свидания, подчеркивая, что ревнует и не собирается давать полноценной свободы. Я такое поведение позволяла, поскольку не особенно хотела заводить какие-либо отношения – никто не был нужен. Кроме него, разумеется.

И так длилось, длилось.

Я открыла глаза, но рук не убрала. Руслан смотрел на меня, не моргая.

- Почему, почему ты не хочешь отдать мне эту любовь? Она ведь не приносит ничего кроме боли, - прошептал пересохшими губами.

Я не знала почему. Может, потому что кроме нее у меня ничего не было. Ничего такого, ради чего стоило бы жить.

И, наверное, поэтому сама перевернула монетку – наглым образом обманывая судьбу, насильно оставляя себе это уродливое чувство.

- Мирослава, - покачал головой мой инопланетный гость, - я сыт и не хочу больше боли.

- Хорошо, - ответила, - помоги прилечь, голова кружится.

После нескольких часов дремы, Руслан разбудил на обед.

Умываясь наспех, думала, что заказал пиццу, но реальность превзошла все ожидания. Руслан сварил мясной соус – наваристый, томатный, со специями и большими кусками мягчайшей телятины.

- Как? – забывая жевать, стучала ложкой об зубы.

Руслан улыбался.

- Очень просто. Заказал продукты, когда их привезли, открыл в интернете рецепт и дело пошло.

- Такого вкусного соуса я никогда не ела, - призналась совершенно честно, - и это огромный комплимент, поскольку до этого дня самыми вкусными блюдами считались те, что готовил отец.

Да, папины блюда, родом из детства – каши с тушенкой (рецепт былых армейских будней), жареная картошка с грибами, отбивные – такие сочные, что приходилось облизывать пальцы от стекающего жирного сока, навсегда остались лучшими. Нигде и никогда больше я так вкусно не ела.

- Спасибо, - помолчав, ответил Руслан, - это меньшее, что могу сделать в благодарность.

- Все же, такое человеческое чувство не чуждо тебе, - подняла глаза от тарелки.
- Выходит, что так. Еще мне жаль, что напомнил тебе об отце. Я видел мельком – эта боль, она примешивается к остальной. Прости, Мирослава.
- Ничего, - отставив в сторону посуду, ответила я, - боль по умершим, горячо любимым родным естественна для моего вида.
- Я понял, - кивнул гость, - тебе, правда, понравилось? – показал глазами на тарелку.
- Да, очень.
- Рад, и оказывается, это приятно – угождать.

Улыбнулась. Знал бы он, как приятно любить и быть любимым. Только вот мы с ним – как раз те, кто не в силах насладиться этой радостью в полной мере.

После обеда было решено отдохнуть и расслабиться. Мы устроились на кровати, включили на ноутбуке «Менталиста» и посмотрели подряд около восьми серий. Смеялись над героем Саймона Бейкера, и время провели замечательно.

За окном стемнело, когда Руслан сказал:

- Мне пора.
- Надолго? – спросила, ища глазами укатившуюся на пол конфетку «M&M's».
- Думаю, навсегда, Мирослава.

Резко подняла взгляд, в тайне надеясь, что он это не в серьез. Боги, я так привыкла к своему инопланетному гостю, к своей яркой галлюцинации. Отпустить его казалось невозможным.

- Почему? – выговорила непослушными губами, - Здесь ведь столько всего – на Земле. Ты мог бы остаться надолго.

Руслан улыбнулся, и я поняла, что просить задержаться, уговаривать – дело зряшное.

- В духовке остался мой прощальный подарок для тебя, - шагнул к постели, наклонился и продолжил, глядя в глаза: - еще, знаю, что все у тебя будет хорошо, не грусти, Мирослава. Побольше желай, загадывай, помня – все возможно. Абсолютно все.

Поглядев с улыбкой, Руслан поцеловал меня в лоб и тут же растаял. Даже не успела обнять его.

В духовке томилась румяная, пышная запеканка. Та самая, о которой я горевала на берегу озера – сладчайшая, с фруктами.

Обняв себя руками, расплакалась, от всей души пожелав своему странному, доброму гостю – счастья.

Без Руслана стало пусто – серо, непривычно. Теперь, когда я знала о существовании таких созданий – почти сверхъестественных, обычные люди со своими проблемами казались

банальными, противными, напоминали суетой снующих жуков в куче перегноя. Чтобы никому не было обидно, себя тоже причисляла к общему копошению, представляя черным жуком-носорогом: мерзким и пузатым.

Он – этот загадочный инопланетянин, за такой короткий временной период, успел стать другом. Тем, кому я смогла доверить все беды и переживания, с кем просто спала в одной постели, без логичного продолжения.

И все же, я продолжала жить.

Через некоторое время, вернулась в клуб, объяснив свой порыв уволиться гормональным сбоем. Максим слегка погневался и принял обратно в штат. Кабинет (тот самый) мне доверили не сразу, но через месяц все-таки дали добро, поскольку Верочка на работу так и не вышла – написала заявление по собственному желанию.

Пока что постоянного гостя, кто закрепился бы в кабинете – не было. Там изредка отдыхал стареющий депутат, еще появлялся меценат – известный покровитель здешних музеев, в остальное время на рабочем месте было пусто. Я стирала кисточкой пыль с полюбившегося кондиционера-картины, по ходу дела душевно переговариваясь с дамой, а еще вспоминала наше знакомство с Русланом.

Дни летели.

На первом этаже жизнь кипела куда более бурно. Мальчишники с именинами сменяли друг друга, и скучать не приходилось никому: гости веселились, коллеги трудились не покладая рук.

В один из рабочих будней в зале Антона случился турнир по шахматам. В виде исключения сие событие разрешилось осветить местным СМИ.

По привычному для себя распорядку, (когда кабинет пустовал и был тщательно убран), сидела в баре. Предполагалось, что в «свободные вечера» буду помогать основной смене. И я помогала, как могла: пила кофе с сиропом «Амаретто», краем уха слушала болтовню приятеля, порой кивала и следила за ловкими пальцами, что натирала бокалы до хруста, до бликов. Еще одной пары рук стекло просто не выдержало бы.

Лишние столы из зала вынесли, оставив несколько у стены и еще пару в центре – для игроков. Шахматы были тщательно протерты и расставлены на доске, напитки и легкие угощения ждали гостей на щедро накрытом шведском столе. Игроки потихоньку съезжались, пресса тоже не заставила себя ждать. Оператор – высокий мужчина с тяжелой на вид камерой на плече, кутился волчком, снимая обстановку. Репортера пока видно не было.

Я уже хотела подняться с места, чтобы удалиться до того, как турнир начнется. Поскольку не собиралась попадать в кадр или следить за игрой и напряженными взглядами соперников, скрестившимися на доске. Все это было слишком скучно. Взяла со стойки блюдце, на котором стояла моя чашка, с намерением вымыть в комнате отдыха, чтобы не добавлять Антону работы, как замерла с посудой в руках, потому что услышала знакомый голос.

- Света сюда больше, Саша, и снимай лучше с правой стороны – это более выигрышная сторона лица.

Я обернулась и ввела взглядом в дамочку-репортера. Она стояла боком ко мне, продолжая что-то выговаривать оператору, который беспрестанно кивал. Первая мелькнувшая мысль:

обозналась? Второй явилась иная: неужто совпадение?! По своей недоверчивой натуре я мало верила в совпадения, поэтому решила, что либо это происки Даниила, либо она снова решила пообщаться. Откинув удивление от того, что она вообще работает, да еще и на телевидении, я отставила чашку в сторону. Антон как раз ушел в подсобку за новой бутылкой виски, поэтому ничто не мешало перебраться со знакомой парой фраз. Прятаться или делать вид, будто ее не признала, по моему мнению, было глупо, оттого, я решительно махнула рукой:

- Ольга!

Мачеха прервалась на полуслове и повернулась. Могу с уверенностью сказать, что ее глаза удивленно распахнулись. Значит, все-таки совпадение – одно на миллион.

- Здравствуй, - кивнула Ольга и, махнув рукой, отпустила оператора продолжить съемку интерьера.

Она ничуть не изменилась с нашей последней встречи – была так же изысканно одета, сегодня: в безукоризненно белую рубашку, заправленную в строгую серую юбку зауженного кроя – ровно на два пальца ниже колен, черный пиджак с кожаными вставками и острыми плечами. Образ завершали молочного цвета лодочки, стильная прическа и яркая помада винного оттенка. Ольга по-прежнему имела безупречные волосы, кожу, улыбку, только похудела больше – на лице резко выделились скулы и глазницы. В целом же, супруга Даниила продолжала выглядеть на миллион.

- Вы прекрасно выглядите, - совершенно честно сказала я.

- Спасибо, - склонила голову в ответ.

В ее глазах читалось: «мне плевать, что ты обо мне думаешь».

- Ты тоже ничего, - медленно моргнула мачеха, - гораздо лучше, чем в прошлую встречу.

- Как поживает дорогой отчим? – спросила, проглатывая издевку, и не от покорного нрава, а оттого, что мне точно так же было наплевать на ее мнение.

- Не имею ни малейшего понятия, - поджала губы Ольга, - мы уже год как в разводе.

- Вот как, - протянула я, совершенно не зная, что дальше сказать.

Утешать было делом неблагодарным, поскольку она вряд ли нуждалась в утешении. По сути, я совсем не знала, какие у них с Даниилом были отношения: ни как жили, ни по какой причине расстались. Да и, положив руку на сердце, никакой жалости к бывшей мачехе я не испытывала.

- Впрочем, в последнее время перед разводом, если тебе интересно, он завел очередной роман с какой-то секретаршей – то ли своей, то ли с одной из топ менеджеров компании, - Ольга криво улыбнулась. – И все продолжал рассказывать о тебе в порывах искренности, которые случались, но крайне редко.

- Да? – подняла брови я, жалея, что вообще затеяла этот светский разговор.

- Ну, я узнала, что ты по малолетству была сложным подростком, что терпеть не можешь куриный бульон, и всякое в таком духе, - Ольга откровенно насмеялась.

- Не знала, что Даниил сентиментален, - развела руки, - ну, что же, приятно было увидаться, -

слегка покривила душой. - Сегодня у нас будут именитые гости, желаю непринужденной обстановки в работе.

Ольга в ответ кивнула, а потом вдруг тронула меня за руку:

- Вы ведь были любовниками, верно? - впилась взглядом - бритвенно острым.

Я пожала плечами - не опровергая, и не соглашаясь. Пусть думает, как хочет.

- Ты бы видела, что он устроил после того, как я вернулась из того села, где ты жила. Никогда его таким бешеным не видела. Орал, что я не имела права к тебе ездить, вообще рта в твоём присутствии не смела открывать, - Ольга передернула плечами, вспоминая. - Жуть что было. И я думаю, - она крепче стиснула пальцы на моей руке, - что так защищают только любимых. Не просто доставшихся по наследству детей, а любимых совершенно не отцовской любовью. Да и вернулся он из своей поездки на день позже меня - какой-то хмурый, всколоченный. Не у тебя ли был?

- Приятного вечера, снова пожала плечами, отнимая руку.

- Занятный бы получился материал, - бросила в спину Ольга, - те фото, где ты голая - на первой полосе, и статья на развороте о нетрадиционной любви известного бизнесмена к приемной дочурке.

Я обернулась через плечо.

- Тогда он задушит вашу карьеру. Или, быть может, - на мгновение подняла глаза к потолку, - даже не карьеру, а лично вас.

Ольга смотрела прямо, но затем опустила глаза, принимая мою правоту, а я прошла к барной стойке, взяла посуду и ушла в комнату отдыха для персонала.

Для чего только к ней подошла? Из кучи издевок узнала, что Даниил теперь не женат. Только, что дает эта информация, если всё еще слишком сложно - сам черт сломит в наших «отношениях». Может быть, извести о том, что он холост - в некотором роде развязывает мне руки? Ересь, но это непонятное облегчение от известия - словно петля на горле ослабела, не подлежало трактовке.

В комнате отдыха было прохладно и пусто. Я поставила на стол злосчастную чашку, с которой носилась по клубу, как с писаной торбой, села на диван. В каком-то глухом раздражении запустила руки в волосы.

Приехать к нему? Сдаться? Вот так заявиться и сказать: «ну и черт с тем, что не любишь», а потом терпеть его переменчивое настроение и многочисленных любовниц. Да, - хмыкнула мысленно, - и через год-другой взять да и удавиться толстым шнурком на крючке в ванной.

Я прикорнула на служебном диване. И никто кроме дурацких мыслей, не тревожил меня до рассвета.

Сперва сон не шел.

Все скитания, мотания по большой стране туда-сюда вдруг показались такими глупыми, что я закричала зубами. Чего добилась? Ничего. Совершенно ничего. Не стала успешной, не нашла уютного уголка, в котором захотелось бы навсегда остаться, не избавилась от бесполезной,

выматывающей все силы, любви к отчиму. Не нашла «себя», не нашла дело, каким бы захотелось заниматься.

Столько лет промотать – талант нужен. Вот оно, мое предназначение: попусту тратить жизнь, размениваясь по мелочам.

Уезжая из особняка Данилы, я красивыми словами обещала себе всё: и радугу, на которой будут плясать единороги, и безмятежную жизнь, полную радости.

И что? Ни-че-го.

Лежа на жестком диване, я кусала губы, разглядывала безупречный потолок и ненавидела себя. Со всей горячностью, на которую только была способна. Дура, - кляла себя мысленно, - что делать станешь?

Эта внезапная встреча с его бывшей женой всполошила. Посмотрев на нее – всю из себя успешную, я вдруг осознала, как жалко выгляжу в этом дурацком служебном наряде наподобие монастырского облачения. Поняла, что весь этот семигодичный бег – не что иное, как тот же глупый подростковый бунт. Никому не нужный. Бесмысленный.

В пустую всё.

Как любила, так и люблю.

И когда пределы ненависти к собственной персоне просто зашкалили, в голове всплыла фраза моего дорогого желтоглазого инопланетянина.

«Желай. Помни – всё возможно».

И я пожелала. Так яростно и горячо, что пока формулировала, впилась ногтями в ладонь до кровавых лунок.

Смежила веки в полном изнеможении, и, хвала небесам, сон-избавитель явился.

Удивительное дело, но я отлично выпалась на узком диване в служебной каморке. Никто не тревожил, не будил, не топал и не хлопал дверьми. Проснулась от легкого внутреннего толчка – открыла глаза, встала. Голова была ясной, без обвинительных мыслей в свой адрес. Я умела прощать, и пусть себя – в последнюю очередь, на этот раз удалось сделать это за несколько часов, причем подсознательно.

А еще знала – то, что пожелала – сбудется.

Переделась, отыскала в сумке ключи от машины и, зажав их в руке, вышла из комнаты отдыха.

Шахматисты разошлись, но из среднего зала еще слышалась музыка. По пути во двор встретила сонного Антона, махнула ему приветливо, а он буркнул что-то о счастливых засонях, что сладко посапывали всю ночь, и отсалютовал зажатым в руке полотенцем.

На улице было оглушительно тихо и холодно, а еще – непередаваемо красиво. Осень отступала перед морозной зимой и в воздухе застыла студеной влагой. Я вдохнула холод полной грудью и остановилась на дорожке. Подняла голову к светлеющему небу: предрассветные лучи слегка

озарили горизонт на востоке. Заметила тонкий серп месяца, еще не успевшего уйти с небосклона. Огляделась, обратила внимание на посеребренную инеем жухлую траву, темные силуэты деревьев в близости, недалекую гладь озера – сейчас черного и ровного, как старое зеркало. Вечнозеленый лес за ним: со стройными елями и колючим лапником.

Еще раз вздохнула.

Уходить не хотелось, но еще больше не хотелось застать полноценное утро, когда из клуба принимались выбираться шумные компании – подвыпившие и голосащие на всю округу. Вот бы взять и остановить время хоть бы на чуток, надышаться, наглядеться. Побывать наедине с величественной и бесконечно прекрасной природой, да только, кто же наделит такими чудесами.

Редко когда на меня накатывало подобное настроение: умиротворение и благоговение перед чем-то большим, чем человек. Может быть, нужно было чаще высыпаться, или прощать, находя компромиссы. А еще лучше, верить в счастливое будущее, в розовых пони и крестных-фей. В инопланетян, в конце концов.

Я еще раз посмотрела на пар, исходящий от земли, огляделась, и, вертя на пальце ключи, направилась к парковке.

Необходимо было все обдумать: как поступить правильно, чтобы все желаемое непременно сбылось.

Часть третья.

Возвращение.

Родной город не порадовал прекрасными видами. Он был таким же серым, людным, мрачным, как и тот, откуда я прибыла. Разве что был крупнее, вмещал в себя больше национальностей, культур и традиций.

Взяв юркий «БМВ» напрокат, я ехала по дороге, ведущей за город, слушала радио и смотрела по сторонам. Вокруг было столько всего, что разбегались глаза: знаки, потоки машин, снова знаки, яркие билборды. Тонированные стекла частично отгораживали от шума, автомобильных сигналов и взаимной ругани водителей друг на друга. От такого оживленного движения успела отвыкнуть, поэтому тащилась в крайнем ряду, стараясь не просмотреть знак начинающейся автомагистрали.

По радио началась какая-то глупая песня из разряда «Чумачечей весны», и музыку я выключила.

В салоне пахло стеклоочистителем и слегка – дорогим одеколоном. Ёлочка, висящая на зеркале заднего вида, запахов не издавала – поизносились, видать. Очень кстати парфюм, которым пропиталось водительское сидение, напомнил Данин. Кажется, он привез его из Польши: цитрусовый, с легкой грейпфрутовой горчинкой, оставляющий долгий древесный шлейф. Аромат полюбился, и с той поры регулярно отчимом использовался. От дорогой туалетной воды, мысли плавно утекли в сторону самой персоны.

Даниил был взрослым, когда в моей голове вместо мозгов еще находилась вата. Он был

определившись в жизни, успешным мужчиной, который ясно знал, что ему нужно. Он не стеснялся образа жизни, желаний, действий. Любил жениться, если видел для себя какую-то перспективность или просто имел такое желание. Любил разных женщин, иногда по несколько за раз.

Не знаю, зачем ему понадобилась я. Да, между нами искрило, в прямом смысле слова: стоило дотронуться, как прикосновение обжигало, но этого было чертовски мало, для того, чтобы иметь нечто большее.

И как бы я не вертела носом, это «большее» между нами было.

Даниил мог бы вести себя совершенно иначе, так, как ведут себя люди безразличные. Но, он носился со мной. Терпел капризы и заскоки, те дурацкие романтические вечера, которыми я заполонила наши будни.

Он мог бы вычеркнуть меня из своей жизни сразу же после материнской смерти, или после побега. Но, не стал.

Не говорило ли это о том, что он был не так уж и далек от тех чувств, о которых я грезила?

Побарабанив пальцами по рулю, усмехнулась: озарило, надо же. Всего-то и нужно было, что семь лет скитаний, встреча с иномирянником и катарсис после его отбытия.

Но ведь, если вдуматься и вспомнить, то выходило, что Даниил не был равнодушен, отнюдь.

Он не перестал навещать, пусть даже те визиты приносили мало радости – по большей части в этом виновата я была сама, потому что не умела слушать, задавать правильные вопросы. Отчим присматривал, как мог: звонил, нанимал людей, чтобы находились рядом и в случае чего...

Да и в то время, когда еще жила под одной с ним крышей: он баловал, радовался вместе со мной, злился, когда я делала что-то совершенно глупое (как, например, спор с однокурсницей, что смогу грубо и прилюдно обхамить преподавателя по социологии).

Даниил был собой, старался приспособиться к моим юношеским заскокам. А я, начитавшись сентиментальных романов, захотела драмы, испанских страстей и разборок, в стиле бразильских сериалов.

Глупая дура. Останься тогда, доучись, стань кем-то, глядишь, и зажила бы по-человечески.

Снова включив радио, разогналась по автостраде до свиста в ушах, до закладываемых перепонки и размытых силуэтов машин где-то позади.

Торопилась исправлять прошлое - ради будущего. Если, конечно, еще возможно было что-то исправить.

Бросила машину у кованой ограды. Ажурная, миниатюрная калитка была прикрыта, но не заперта, и я беспрепятственно ступила на территорию Даниилового особняка. После давнего, поспешного отъезда, во дворе мало что изменилось: разве что сад разросся слегка, потеснив ровную гладь газона. Сейчас растения были бережно укучены на зимовку, укрыты специальным настилом.

Мелкий гравий споро похрустывал под ногами, так как я торопилась скорей ступить на крыльцо, чтобы преодолеть разделяющее нас с Даниилом расстояние.

На ступеньках меня ждал сюрприз (в некотором роде) – неожиданный и не совсем приятный.

В доме полным ходом шла ссора. Я услышала повышенные интонации сквозь закрытую дверь, а стоило поднять руку для стука, створка распахнулась и прямо на меня вылетела разъяренная девушка. Задела острым плечом, но даже не обратила на это внимания: обернулась к дверному проему, крикнула:

- Да как ты мог вот так выставить меня вон? Я что, дворняжка какая? Да я тебя, - грудь девушки высоко вздымалась, руки сжались в кулаки, - видеть больше не хочу! Ненавижу! - и она кинулась вон, даже не повернув головы на мою застывшую фигуру.

Из дома больше не слышалось никаких звуков, хотя дверь была распахнута прямо передо мной. Не стала долго думать: взяла и вошла, закрыв ее за собой с громким лязгом.

Вид Даниил имел до крайнего умиротворенный и беззаботный – будто не он минуту назад являлся участником конфликта. Сидел себе на диване в гостиной, вальяжно развалившись, раскинув руки по спинке, и если бы глаза не были закрыты, то разглядывал бы потолок.

Он был красив, как божество, изыскан, идеален. Я даже не представляла, насколько соскучилась.

- Вот это поворот! – присвистнул отчим, когда открыл глаза, - надолго приехала?

Все заготовленные слова, речь, что я репетировала по дороге сюда, испарились из головы. В один момент. И, черт возьми, я не знала что ответить. Надолго ли? Да кто же знает.

- Привет, - поздоровалась, пожимая плечами в ответ на предыдущий вопрос.

- Во всяком случае, надеюсь, что не на час, - Данила поднялся и раскинул руки в стороны, - рад тебя видеть.

Он мгновенно приблизился и обнял меня, да так крепко, что ребра захрустели.

- Оставайся подольше, хорошо? – спросил, отодвинувшись, крепко держа за плечи и смотря в глаза.

- Ладно, - кивнула в ответ.

Он был прежним: одетым с иголки, одуряюще пахнущим изысканным, дорогим парфюмом, слегка взъерошенным, немного усталым. Я помнила его вот такого с самого детства, любила вот таким.

Боги, как же бесконечно я его любила.

Выкрутилась из объятий, скинула легкое пальто.

Данила помог принести сумку из машины, провел до комнаты на втором этаже – той самой, где выросла.

По большей части молчали – без неловкости, как безмолвствуют люди, что знают: смогут еще вдоволь наговориться: позже, когда настанет подходящее время. Перебросились лишь парой

пустячных фраз: о погоде, об обстановке на дороге. О сцене, что мне удалось застать.

Отмахнувшись на мой насмешливый взгляд, Данила закатил глаза:

- Это была очередная глупышка, кто зря раскатал губы на что-то большее, чем несколько встреч.

- Исчерпывающий ответ, - кивнула, в самом деле, им удовлетворившись.

Вечерело, когда спустилась в столовую.

Сумка была разобрана, вещи аккуратно расставлены. Может, удалось бы спуститься раньше, если бы не затопившие воспоминания детства, какими пропиталась комната. В ней все осталось так, как было раньше. Фоторамки на полках, книги, старые блокноты с рисунками и разными заметками. Альбомы с акварельными мазками, фотоальбомы. Косметика: несколько палитр теней, пара помад, туалетная вода, вдохнув запах которой, я прямо-таки унеслась в прошлое.

Обзор комнаты, в которой за столько времени ничего не поменялось - не походил на посещение музея. Отнюдь. Это все напоминало полное погружение, будто машина времени переместила меня на десяток (без малого) лет назад. Вспомнилось все. Как в калейдоскопе мелькали давно забывшиеся картинки, запахи, звуки, эмоции. Я сидела на кровати, подмяв под себя ноги и ошалело переживала заново все то, навеялось.

Данила говорил по телефону, прижав трубку плечом, и параллельно резал сыр большим ножом для мяса.

Повернув голову в мою сторону, он быстро попрощался и отбросил мобильный на столешницу.

- Отвык от тебя, - сказал непринужденно и просто, продолжая нарезку.

- Я тоже, - согласилась, становясь рядом и доставая второй нож, с намерением очистить огурцы от кожуры.

На ужин было запеченное с овощами мясо, красное вино, на десерт - пломбирно-клубничное мороженое, усыпанное тонко нарезанным миндалем.

Ели, лениво переговариваясь о разных пустяках. Даниил стойко придерживался мнения, что во время трапезы не следует говорить о проблемах, в идеале вообще помалкивать. Я помнила об этом еще с подросткового возраста: за столом в те времена по большей мере царило молчание.

Но, сейчас блюсти тишину оказалось невозможным, в силу того, что слишком соскучились: хотелось слышать голос, пусть даже речь шла о неважном, пустом, смотреть в глаза, впитывая вспыхивающие там искорки. Может, я нафантазировала, что Данила тоже скучал, но о себе сказала чистую правду.

Жаль, но, все приятное рано или поздно, заканчивается. Подошло к концу и непринужденное общение.

Я почувствовала кожей напряженную тишину - она вдруг навалилась на плечи, вместе с тихим шелестом работающей посудомоечной машины. Данила оставил в покое тонкое кухонное полотенце, которым вытирал руки и посмотрел: прямо, с твердой настойчивостью во взгляде, где алой неоновой надписью читалось: «объяснись».

В его глазах отражалось всё: и неверие, что я приехала и сижу перед ним, теребя в руках тканевую салфетку, и злость на мое упрямство – бегала ведь от него по всей стране.

Я так и видела немое осуждение, представляла недоуменный разворот рук в стороны: мол, зачем все это было?

И, подтверждая все догадки, отчим прислонился боком к столешнице, спросил, складывая руки на груди:

- Что изменилось?

О, что я только могла ему ответить, рассказать. Например, о переосмыслении жизни после встречи с Русланом, о том, что пережила, только помыслив, что могу лишиться любви к нему – к Дане. Как тогда грудь сдавило, будто сердце разрослось, грозя вот-вот разорваться. Немыслимо было даже представить, не то, что сделать! И, выходило так, что то – для чего бежала, к чему стремилась, не что иное, как бесплотный мираж, невыполнимая задача. Желая всем сердцем избавиться от чувств к отчиму, я притянула на эту планету существо из другой Вселенной. И, казалось бы – давай, сделай то, ради чего веземной разум прибыл! Но... Не могла. И от всех этих непостижимых реалий катарсис не заставил себя долго ждать.

И я рассказала бы «что изменилось», но проблема заключалась в том, что услышь Данила эту нехитрую историю, первым делом вызовет скорую помощь, вместо радости от известия, что прибыла я навсегда.

Глупо, правда? Глупо бежать, тратя годы молодости на бесконечно мельтешащую карусель, с которой невозможно сойти.

Мне понадобилось семь лет. Семь лет, чтобы понять – не убежать и не скрыться. От себя – никогда.

Страшно представить, что было бы, прибуди Руслан со своим предложением не несколько месяцев назад, а скажем, лет через пятнадцать. Да я бы прыгнула с крыши, осознав, сколько лет жизни, потратила зря.

Определенно прыгнула бы.

Но, вместо того, чтобы рассказать обо всем этом Даниле, я покачала головой и отбросила в сторону салфетку:

- Многое изменилось. В первую очередь – я.

На эти слова Данила прищурился, дернул головой.

- Да? И что же так повлияло на тебя, Мирослава, - имя протянул, даря звучанию совсем чужие ноты. Так тянул гласные иномирянин. – Может быть, - сам себе ответил Даниил, - это был тип, с которым ты гуляла у озера, любуясь на окрестные красоты, а потом ночевала с ним, и вполне может стать, в одной постели?

Последние слова отчим практически прошипел. Метаморфозы и только: из спокойного мужчины, с которым мы несколько десятков минут назад ужинали за одним столом, за долю секунды он превратился в ревнивого, разъяренного.

Я рассмеялась. Знал бы Даниил, как был прав – спали. Мы спали вместе, и именно из-за него я

здесь.

Но, говорить это было опасно, поскольку он бы не понял правильно. Так, как необходимо было понять.

- Брось, - покачивая головой, ответила Даниле, что сжимал руки в кулаки, - ничего такого, о чем ты думаешь - не было.

Он пристально смотрел мне в глаза, силясь понять - вру ли. Не врала, и думаю, это было явственно видно.

- Прекрасно, - прищурившись, ответил отчим, спустя, казалось бы, целую вечность.

Отпустило слегка - заметила по разжавшимся кулакам.

- Тогда что произошло, не понимаю, - запустив ладонь в волосы, взъерошив их привычным жестом, Данила сел напротив.

От его движений, давно позабытых привычек, у меня сердце сжималось - так хотелось кинуться на шею, вдохнуть поглубже его густой цитрусовый запах, чтобы легкие наполнились им - до отказа! Стать частью его тела, тепла, и больше никогда не отдаляться, не забывать.

Смотрела на него во все глаза, а Данила, не замечал, продолжал рассуждать вслух:

- Зачем было так долго бегать? И, самое главное - вернувшись, что ты хочешь получить?

Мне хотелось крикнуть: «хочу получить тебя!».

Опустила глаза, снова затеребив край салфетки. Свернула, развернула уголок.

- Все это слишком сложно и непонятно. Ты ведь знаешь байки про женскую логику? Вот-вот. Не спрашивай меня о мотивах поступков и решений. Сама затрудняюсь вразумительно объяснить.

- Тогда ответ, на единственный вопрос, - он стукнул пальцами по столешнице, привлекая внимание.

Пришлось поднять взгляд от красной тряпки, что измусолила вдоль и поперек.

- Зачем ты вернулась?

Глаза в глаза. Не знаю, что отражалось в моих, но в его.... Там невозможно было что-то разглядеть. Тьма, обыкновенная темнота напозла, скрывая чувства так, что не угадать. Обрадуется ли, услышав ответ, или выставит за порог? Загадка.

- Я, - голос охрип, сел, предательски выдавая волнение, - вернулась, чтобы попробовать еще раз.

Ну, вот, самое страшное - позади, я это сказала.

Данила улыбнулся краешком губ, глянул исподлобья.

- Мы не виделись кучу времени, что станешь делать, если мне это больше не интересно? Я имею в виду - пробовать. Что, если я не хочу больше никаких попыток.

Думаю, что ждала такого поворота, вопроса. Но, все равно кольнуло. Быстро, но болезненно, прямо в сердце.

- Уеду, - пожала плечами.

- А дальше, что будет дальше? - не переставая наблюдать за реакцией, поинтересовался Даниил.

- Ничего не будет: ни звонков, ни писем, ни встреч. Если всё это, - я бестолково кивнула головой, - тебе больше не нужно, думаю, навсегда простимся.

Договаривая, я уже знала, что случится дальше. Черт возьми, знала, но все равно оказалась не готова.

- Прекрасно. Тогда, катись.

Даниил откинулся на спинку стула и манерно выгнул брови.

А я, моргнула - от растерянности, не иначе. Не вполне осознавая, что ответ не примерещился.

- Что? - выйти с достоинством из сложившейся ситуации не получилось.

- Я говорю, - он наклонился, напирая на край стола грудью, - что не хочу выстраивать никаких отношений. Они мне просто ни к чему - ни с тобой, ни с кем-то еще. Да ты сама сегодня застала сцену, которая ясно говорила о том, что жить с кем-то или тому подобное, я не намерен.

Данила говорил еще что-то в том же ключе, но я перестала слушать.

Внимание переключилось на пустоту - одуряюще тягучую, что вдруг затопила все естество. Думаю, для того, чтобы спасти от неизбежной боли. Наверняка то, что я чувствовала тогда - защитная реакция мозга на стресс и шок.

Я не ожидала. Черт подери, даже не предполагала, что все случится вот так. Что окажусь не нужной ему. Всерьез.

То, что отчим говорил на полном серьезе, было ясно, как день. Так не шутят. Не с теми, кто по-прежнему дорог. Уже только это говорило о правдивости его намерений.

Вот так вот.

Я плохо помнила, как встала из-за стола - шаталась ли, или держалась гордо и непринужденно. Помнилось, что кивнула невпопад и ответила:

- Хорошо.

Потом, на деревянных ногах поднялась на второй этаж за ключами от машины. Сумку собирать не стала - нетерпение так отчаянно толкало в спину, что я подгоняла себя мысленно, ища взглядом запропастившийся брелок.

Костерила себя, на чем свет стоит.

Никогда.

Никто. И. Никогда. Так. Меня. Не. Унижал.

Как самый дорогой человек на планете, ради которого я плюнула на гордость и предрассудки.

Поэтому, к черту сумку и вещи – зачем они человеку, что остался без дома, элементарной крыши над головой, убежища, куда всегда можно было вернуться, прятаясь от бури и невзгод.

Нашла ключи, сгребла в охапку наличные и банковскую карточку, и, не оглянувшись на пристанище, что было моим – по праву, таковым считаясь до той самой секунды; вышла, тихо затворив за собой дверь.

И тот звук сухого щелчка – эхом в ушах стоял, пока спускалась по лестнице.

Данила находился в гостиной – у каминной полки. Я не совсем поняла, что он делал, лишь увидела боковым зрением высокую фигуру и прошла к входной двери.

- Стой, - окликнул напоследок.

И я не удержалась - повернулась на голос.

- Не уходи вот так, затемно, опять в пустоту, - попросил, отойдя от полки ближе к центру комнаты.

Мне хотелось расхохотаться отчиму в лицо, крикнуть – а что, что еще мне остается, кроме как уйти прочь из этого дома!? Ведь ты только что приказал катиться, хотя какой-то час назад просил остаться «подольше».

Но, я подавила истеричный порыв. Ни к чему она – истерика. За ней в обязательном порядке следуют слёзы, а унизиться еще больше – просто не было сил. Думаю, я не перенесла бы большего уничтожения.

У каждого человека есть порог – черта, переступив которую, нет возврата. Граница сил, минув которую можно упасть замертво. Если не от боли, то от стыда.

Моей ахиллесовой пятой во все времена было достоинство, потому что кроме него в личности, в самой человеческой сути, больше ничего стоящего для меня не находилось. Поэтому очень болезненно воспринималось любое посягательство на гордость.

И сейчас я была раздавлена. Оказывается, когда об тебя вытирают ноги, это не пробуждает злости или ярости. Это бесконечно, бесконечно медленно, но неотвратимо верно – убивает. По крайней мере, так было со мной.

В прощальном жесте Даниила – словах, что уходить не стоит, мне виделась брезгливая жалость, и это была та самая черта, грань и граница. Еще слово, один взмах ресниц и я никогда не оправлюсь.

И, не смотря на все это, нашлись силы для ответа.

- Ничего, мне не привыкать.

- Что ты будешь делать? – нахмурился отчим.

- Переночую в гостинице, - сглотнув ком, ответила, мечтая поскорей убраться.

- Я не имел цели выставить тебя вон. Всего лишь сказал, что не намерен продолжать все то, что тянется между нами столько лет. Хватит, в конце концов, - нахмурился больше, - сколько можно продолжать эти бессмысленные действия. Еще, убираю слежку - знай, за твоей спиной больше никто не стоит.

«Всего лишь» - ха. Уже можно смеяться?

- Прекрасно, - кивнула я.

- Но, - с нажимом продолжил Данил, - я не указываю на дверь. Ты по-прежнему не чужой для меня человек. Остайся.

Это ведь шутка, верно? Не может не быть ею. Остайся здесь? В качестве кого - приемной дочери? Какая ерунда.

Ни за что.

- Нет, - в подтверждение словам покачала головой.

И вышла. Вон.

На улице было ветрено и морозно, поэтому время пути к машине помогло слегка остыть. Охладить голову.

Остановилась у автомобиля, уперлась ладонями о крышу.

Все еще не верилось в произошедшее. Дышалось с трудом, рвано. Было такое ощущение странное - прострации. Будто со стороны за собой наблюдала.

Не ожидала, что не нужна Даниле, вот это удар, та самая пуля в рот.

Всё, что тогда имелось в моей жизни ценного - гордость и Даниил. Какая жалость, что первая - валялась оплеванная, после того, как второй - смысл существования, отказался, вычеркнув вон из сердца.

О, как вся эта белиберда высокопарно звучит.

Я ударила ладонями несколько раз, разблокировала дверь и завела мотор, уезжая прочь.

Он сказал «катись», и я покатила.

Ни в какую гостиницу не поехала - миновала ее и пару других на большой скорости, не намереваясь задерживаться в этом городе.

В голове ожили голоса - обиды и здравого смысла. Они орали, перекрикивая друг друга, а я - следила за дорогой. На автопилоте, не иначе.

Чего ты ожидала? - патетично восклицал здравый смысл. - Бросила его, оставив жалкое письмо на холодильнике, пряталась семь лет и воротила нос, а теперь вдруг - ни с того, ни с сего, решила вернуться. Забыла спросить - и правда, а нужна ли теперь? Вот зря не поинтересовалась заранее - сэкономила бы бензин.

Какого черта! - орала обида. - Как он мог! Как только посмел.

В тот момент я как никто понимала ту девицу, что выбежала сегодня из дома, задев плечом. В моей голове роились те же обидные слова, какие говорила она.

Конечно, он обижен и мстит, - продолжали роиться мысли, перебивая друг друга. Любой другой самолюбивый мужчина поступил бы если не так же, то весьма похоже.

Так продолжалось некоторое время - голова раскалывалась, дорога плыла перед глазами, дальний свет встречных автомобилей слепил, заставляя жмуриться.

Я устала. Так бесконечно устала от голосов в черепной коробке, от обиды и запоздалой злости. Он бессилия.

Почему кто-то спокойно меняет любовников, парней, мужей, не испытывая и десятой доли всех эмоций, от которых я схожу с ума? К одному мужчине - вот уже сколько времени.

Почему я - глупая дура, которая собственными руками разрушила будущее, вместо того, чтобы наслаждаться тем, что имела?

Почему у большинства людей есть второй шанс выстроить все заново, а у меня - нет?

Почему я сейчас здесь - в неуютной темноте, сворачиваю на автомагистраль, вместо того, чтобы нежиться в теплых объятиях любимого?

Как много риторических вопросов. Как сильно болит голова и жжет глаза от непролитых, горьких слез.

Господи, как все надоело.

Я выехала на прямую, как стрела, дорогу, и утопила в пол педаль газа. Уши заложило от скорости, а по щекам таки полились колючие слезы.

Защекотали кожу, и я утерлась плечом, на мгновение, отпустив руль.

Машина слегка вильнула, я испугалась - самую малость, но ухватила колесо слишком резко, поспешно. На скорости, от которой придорожные пейзажи сливались в неразличимые полосы, автомобиль повело от неосторожного витка.

И тот час перед глазами замелькало: усеянное звездами небо, несколько раз поменялось местами с асфальтом. Последней мыслью, что мелькнула в сознании, была шоковая: не может быть.

- Что? - я закричала и дернулась всем телом, больно ударившись обо что-то твердое спиной и затылком.

- Тише, - послышался знакомый голос.

Я в неверии распахнула глаза и уставилась в прозрачно-голубые напротив. Дрожащие пальцы выскользнули из чужих шершавых ладоней.

Огляделась.

Сбоку находился ночник, занавешенный вафельным полотенцем, комнату окутывала полутьма.

На улице – вместо привычного уже морозца, царила влажная, промозглая осень. Выглянув в окно, отметила морозящий дождь, не дающие света фонари вдоль дороги. Вокруг была ночь, почти утро – часа четыре.

- Как? – хрипло выдохнула, силясь унять дрожь, боль, неверие.

Руслан улыбнулся.

- Это будущее, Мирослава. То, что случится, когда ты выберешь любовь к своему отчиму, – он кивнул на монету, которую я сама положила нужной стороной кверху.

- Не может быть, – в абсолютном шоке покачала головой.

Существо, сидящее напротив, грустно улыбнулось.

- У тебя есть выбор и шанс все предотвратить.

- Отдать тебе – эту несчастную, полузадушенную от невозможного счастья, любовь? – усмехнулась, налила холодного чаю, выпила, стуча зубами по краю чашки.

- Именно так, – кивнуло создание, что звалось Русланом, – отдай, – и это было последнее, что я услышала до того, как выронить чашку и спрятаться в уютном забытьи.

Утро порадовало видом посапывающего инопланетянина на соседней подушке. Он не спал, просто шмыгал носом, будто принимался. Повернулась, и наши взгляды пересеклись.

- Это оно? – спросила хрипло, – вчерашнее будущее, что сегодня успело стать настоящим? Больше не будет сюрпризов?

- Не будет, – кивнул Руслан.

- Это хорошо.

На свежую голову вчерашние картинки длиною в несколько месяцев – с подробностями и мельчайшими деталями, казались ярким, но сном.

Невероятно – придется прожить одно и то же время два раза. Мне предстояло долгое, затяжное дежавю.

- Как ты это сделал? – спросила, поднимаясь с постели.

- Это часть моих возможностей, – пожал плечами Руслан, тоже вставая.

- И что, – зарылась руками в волосы, – все случится именно так, как ты показал?

- С небольшими погрешностями в деталях. К примеру, этого разговора быть не должно, но он случился из-за того, что я показал будущее. Дальше все будет зависеть от твоего поведения и решения. Но, в по большому счету, да, случится так. И какой же виток выберешь, Мирослава?

- Ты же не думаешь, что я решу это за две минуты после пробуждения? – нахмурилась, отвернулась и пошла в душ.

Стоит ли говорить, что голова раскалывалась от мыслей, а сердце заходило от страха. Прохладная вода, что лилась на голову и остальные части тела, не дарила той ясности

решения, на которую я так рассчитывала.

Что будет, реши я вычеркнуть чувства? Или, надумав пойти проторенной уже дорогой?

На кухню вышла сердитая, с влажными волосами - не терпелось расспросить гостя, и вместо тщательной просушки феном, промокнула их полотенцем.

Руслан успел накрыть на стол. Не как в прошлый, уже прожитый раз. Помнится, тогда я жарила яйца.

- Расскажи, что случится дальше - после того, как я попаду в аварию, - спросила, делая маленький глоток утреннего кофе.

- Не думаю, что это необходимо, - поморщился Руслан, отставляя свою чашку подальше.

- Говори, - слегка хлопнула по столешнице, злясь.

Не знаю, что меня злило... Может, нехорошее предчувствие?

- Вспыхнет бензобак, - вынес приговор иномирянин, тем самым подтвердив худшие догадки.

- И? - поторопила охрипшим голосом.

- В это время ты будешь в салоне.

- Как в дрянном боевике, - зло засмеялась я, - кто бы думал. А с ним, что будет с Данилой?

Руслан покачал головой:

- Ты не понимаешь...

- Говори, - перебила, поторапливая.

- Он узнает через несколько часов, когда будет светать. Будет шок, много вырванных в порыве ярости волос, а дальше - бесконечное самобичевание.

- Сценарий для дешевой мелодрамы, - протянула, вставая из-за стола.

Остановилась у окна, посмотрела вниз - на оживающий, просыпающийся проспект. Люди сновали туда-сюда, не имея понятия, что в это самое время решается моя судьба. Впрочем, даже знай они, им было бы плевать.

- Пришло время выбирать, - неслышно приблизился Руслан.

Положил руки мне на плечи.

- Ты ведь уже знаешь. Знаешь, что я выберу, - усмехнулась и прислонилась лбом к прохладному стеклу.

- Именно поэтому хочу, чтобы ты подумала еще раз.

- Тебе, наверное, бесконечно скучно жить, зная наперед, как себя поведут люди, или нелюди, - не могла не заметить.

- Я не смотрю в будущее так часто, как ты думаешь, - отрицательно покачал головой гость, - ну, так что?

- У меня есть карта будущего и подробные инструкции к ней, это много лучше, чем окунуться в незнакомые воды и быть съеденной каким-нибудь аллигатором. Где гарантии, что во втором варианте будущего меня не пристрелит какой-то идиот, или я не поскользнусь на гололеде, упав виском на кусок острой арматуры? Я не отдам то, что ты просишь. Нет, все еще нет.

- Зря, - покачал головой Руслан.

Он не злился. Думаю, его расе не присущи были такие примитивные эмоции.

- Может, и зря, - согласилась я, и отвернулась от окна, - ну, что, добро пожаловать в день Сурка?

Проживать повторяющиеся будни было скучно. Не представляю, как всё это вообще оказалось возможным, но люди, как заезженные пластинки говорили и делали то, что и в первый раз.

Пусть, я не помнила всего дословно, но навскидку, дни стали предсказуемы: пустая болтовня, просмотр Менталиста, прощание с Русланом, запеканка с фруктами, восстановление на работе. Кабинет. Антон со своими осточертевшими причитаниями. Турнир по шахматам, встреча с Ольгой.

Все казалось одинаковым, и в то же время - самую малость не таким.

Я - была другая. Зная наперед действия собеседников, позволяла себе отклоняться от сценария. Шутила - иногда по-черному, иногда действительно смешно, строила рожицы и, конечно, непрерывно размышляла.

Сомнения и не думали оставлять меня в покое.

Зачем согласилась на всё это? Почему просто не избавилась от Даниила и навязчивых эмоций к нему? Наверное, потому что мне все же представился второй шанс, о котором привыкла роптать, - отвечала себе, и на время отвлекалась, забывалась. Чтобы через несколько часов опять объяснить свой поступок в подобном ключе.

Когда настал день «икс», я всерьез струсила.

Могу не ехать - убеждала себя. Могу оставить все как есть. Пусть жизнь продолжает катиться через чертову задницу. Пусть.

Но, естественно, переборола страх и отправилась.

Взяла напрокат тот же автомобиль, рассудив, что сменой железного короба от смерти не спрятаться.

Передо мной предстал знакомый до боли город. Автомагистраль. Глупые песенки по радио, что полились из динамиков. Разъяренная девица, выскочившая на крыльцо особняка. Удивление Даниила. Комната времен конца девяностых и начала двухтысячных. Ужин.

Полотенце, отброшенное прочь, шум посудомоечной машины. Неуютные вопросы.

И, наконец, тот - самый главный, заданный напряженным голосом.

Задолго до этого вечера я принялась размышлять, как следовало бы повести наш диалог. Вертела его так и эдак, проговаривала вслух бессонными ночами. Затерла до дыр. Думала, как лучше ответить на вопросы Даниила, и вариантов были сотни.

Но, когда настало время отвечать, выяснилось, что я так и не придумала ничего такого, что могло бы перевернуть реальность, изменить ее. Правильного ответа у меня не нашлось. Черт, даже будь у меня годы вместо месяцев - для подготовки к этому разговору, не нашла бы правильных слов. Потому что не знала, что Даниил хотел услышать. Не предполагала, что ему действительно нужно. К глубочайшему сожалению, возможности заглянуть к нему в душу, понять его суть - не было.

И, когда главный вопрос был задан, все прошло точно так же, как в прошлый раз, с тем лишь различием, что его «катись» уже не смогло обидеть. Не задело, не подавило.

Но, повинувшись сценарию, я все равно прошла по лестнице наверх.

На поиск ключей ушла минута - ведь теперь знала, где они прятались. Спустившись, внимательней посмотрела на Даниила, с напряженной спиной замершего у каминной полки.

- Стой, - окликнул напоследок, - не уходи вот так, затемно, опять в пустоту, - попросил, отойдя от полки ближе к центру комнаты.

- Почему? - спросила я.

Я имела в виду - «почему ты не хочешь быть со мной, почему так жестоко мстишь», но Даниил понял иначе.

- Потому что ехать ночью - дурная затея.

И вот тут сценарий покатился к чертям, потому что Даниил не стал говорить о том, что «всего лишь не хочет быть вместе, но я по-прежнему остаюсь дорогим для него человеком». Приблизился мигмом - в две секунды, скинул с моих плеч пальто и увел от входной двери в глубину гостиной.

Заморгала, не веря. Слезы предательски защипали веки, выступили из глаз крупными бусинами.

Даниил нахмурился, думая, что я плачу от сказанных им обидных слов, даже не подозревая, что на самом деле - слезы катятся от облегчения, осознания, что он только что взял и спас мне жизнь.

- Брось, - отвернулся на мгновение, а потом приблизился и неумело погладил по голове, - не плачь.

От этой безыскусной простоты я расплакалась в голос. Потому что когда говорят «не плачь», хочется громко завывать и разрыдаться.

Даниил обнял, легко похлопал по плечам, потом будто бы очнувшись, снова погладил по голове - как маленькую, бормоча слова утешения. Я же утонула в цитрусовом аромате, и затихла от всепоглощающего облегчения.

С плеч исчезла громада Говерлы.

И, рот против воли раскрылся, вываливая на обнимающего мужчину такие потоки информации, от которых волосы зашевелились даже у меня, что уж говорить про человека неподготовленного.

Я говорила и безмолвно плакала – слезы не хотели иссыхать. Каялась, признавалась, что люблю, что была глупой, сбегая снова и снова, рассказала о мистическом госте, об аварии.

Спина Даниила давно застыла, а рубашка на груди стала мокрой. Не знаю, понимал ли он хоть что-то из невнятного бормотания, но слушал внимательно и молчал.

- Знаю, что ты все равно не поверишь во всё это, - я жалко вскинула правой рукой, - но, просто извини меня, ладно? За всё.

- Это я должен просить прощения, - хрипло отозвался отчим, прижимая спину горячими ладонями, - а еще, твой рассказ выглядит не таким уж невероятным в свете то ли сна, то видения, что посетило меня накануне.

Я отодвинулась, утерлась рукавом и вскинула лицо, с замирающим сердцем ожидая продолжения.

- Что там еще? – прошептала немеющими губами.

- Неважно, - отрицательно покачал головой Даниил, - все это больше не имеет значения.

Он обхватил мое лицо руками, наклонился и поцеловал.

- Соленая, - прошептал в губы, - и родная. Я так бесконечно по тебе соскучился, моя солнечная девочка.

Данины прикосновения – неторопливые, но жадные, голодные, которыми он щедро одаривал, сводили с ума. Горячие ладони водили вверх-вниз по коже, согревая, раскаляя до предела.

Одежда скользнула к ногам – ненужная, неуместная. Терпкие на вкус губы приласкали лицо: подбородок, скулы, брови, глаза. Поцеловали уста, влажно погружаясь, сплетаясь языками.

Кинуло в жар, в пот, от томления, от сладкого ожидания, и сердце засбоило. Непередаваемо сладко оказалось в сотый раз узнавать друг друга, вплетаться пальцами в волосы, поглаживать затылок, спускаться к ключицам.

Задохнулись, когда сплелись, закружились в древнем, как мир, танце.

Не хватало воздуха в легких, чтобы надышаться – его ароматом, мало было просто тереться, выводить языком круги на груди. Хотелось больше – кусать, дико, до крови, слизывать капельки из царапин, кричать, срывая голос.

Волосы рассыпались по паркету, голова беспорядочно моталась из стороны в сторону, отчего перед глазами мелькало – так остро, до боли сладко было чувствовать его - всего.

В себе.

Даниил шептал на ухо невероятные слова, от которых кружилась, и без того, легкая голова. Я смеялась, целовала его руки, прикусывала кожу до розовых отметин и тут же их зализывала.

Мы надолго остались в каминном зале – до самого рассвета.

Не могли умерить ласки, порывы, от которых зашкаливал пульс.

Мне казалось, что не было всех этих бессмысленных лет разлуки, что не уходила никуда, и вот тут я – дома. В руках, которые из властных, умело превращались в нежные, бесконечно заботливые.

Усталые, довольные, мы не могли перестать прикасаться, прижиматься друг к другу.

- Я хочу быть с тобой, - сказала полупшепотом, когда бессмысленная нега слегка отступила.

Даниил промолчал, но обнял крепче.

- Расскажи, как ты жил? Зачем преследовал меня, не давал полной свободы, если, - запнулась.

Сказать «не нужна» - не повернулся язык, но, Даниил понял.

- Мира, мне уже далеко не двадцать лет, и я привык жить вот так, - он кивнул подбородком в потолок, пытаясь обвести глазами комнату, - когда все понятно и просто: секс – это секс, а когда партнер уезжает, бросая на холодильнике прощальную записку – то навсегда. Пусть даже этот партнер – самое лучшее, что случилось в жизни. И когда это произошло, опуская все сомнения, злость, могу сказать, что таскаться за тобой по необъятной стране было затратно, сложно, унижительно. Скажи мне, девочка, - Даниил перевел на меня потемневший взгляд, - разве эти действия, уже одним своим существованием, не отвечают на все вопросы?

В ответ я закрыла глаза, прячась от жадного взгляда.

- Сейчас, отбросив в сторону самолюбие и гордыню, я созрел настолько, что готов признать: буду стараться. Очень буду стараться избавиться от дурных привычек, приспособиться. Потому что – тоже хочу быть с тобой. Кто еще, кроме тебя – солнечная девочка, сможет сделать меня счастливым? Не слушай слова. Обращай внимание на действия. Посмотри на меня, - Даниил взял мое лицо в ладони, - я рядом с тобой, вот такой – грубый, почти старый, мизантроп и гордец. Но я здесь, и готов приковать тебя цепями, лишь бы не ушла. Что думаешь – люблю ли?

Его глаза яростно вглядывались в мои, пожирали своей силой, пылающей волей, кричали: «конечно, люблю».

И впервые за всю историю наших отношений мне было достаточно этого безмолвного признания.

- Тогда почему сказал сегодня, чтобы уезжала? – спросила, чтобы не молчать, чтобы лишний раз удостовериться – любит.

Данила помолчал, раздумывая.

- Уязвленное самолюбие – страшная вещь. Захотелось посильнее задеть за живое, и когда удалось это сделать, то почувствовал себя самым последним гадом, какой только обитает на этой планете. Думаю, что приполз бы к тебе через три дня, самое долгое – неделю, - голос Дани был тихим, немного хриплым, от него мурашки по коже сновали.

Зажмурилась. Не приполз бы. Случись все так, как показал Руслан, пришел бы с цветами на могилу. Вспоминать об этом было страшно, жутко, и я не стала уточнять и напоминать.

Чтобы отвлечься, спросила, через несколько минут тишины:

- А следил за чем? – действительно не понимала, - знаю, ты любишь все держать под контролем, но не настолько же, чтобы...

- Насколько, - перевернулся набок, устраиваясь удобнее, заглянул в глаза.

В мягком свете бра, увидела несколько новых морщинок у глаз, седину на висках. Потянулась к переносице, поцеловала.

- Кто, кто следил за мной в последнее время? Наверняка это был кто-то близкий, из знакомых.

Даниил отвел глаза.

- Скажи! – шутя, но с силой стукнула по груди.

- Это был Антон – твой друг-бармен, - покусал губу Даниил.

- Быть не может, - округлила глаза, не веря, - он же самый настоящий... - я подбирала эпитеты, но все литературные слова куда-то запропастились, - ты с такими за руку не здороваешься, в общем.

- Брось, вся та чепуха, какой он тебя накормил – часть легенды, и только.

- Вот так поворот, - покачала головой, - а с Ольгой, почему расстались?

- Не утомилась болтать? – стало ясно, что о бывшей жене и слова не молвит.

Да и, если честно, я мазохизмом не так уж страдала и слушать не особенно хотела. Спросила лишь за тем, чтобы не молчать.

- Ладно, потом расскажешь, - кивнула.

- Обязательно, - фыркнул Даниил.

Да так, что стало понятно – не расскажет.

Разговор плавно сошел на «нет», разморило, и мы остались внизу – на узком диванчике, практически лежа друг на друге. Впрочем, это никак не помешало расслабиться, увидеть сны.

Той ночью мне приснился Руслан.

Мы сидели в моей старой квартирке, на тесной кухоньке.

За спиной гостя медленно таяла стена вместе со шкафчиками, сменяясь чернильной пустотой и невесомостью космоса. В воздух принялись взмывать предметы, что были на кухне – тарелки, пара чашек, ухватка, бисквитное печенье, следом вазочка, в котором оно находилось, и многое другое.

Старый знакомый улыбался, широко и лучисто. Вокруг его головы ярким ореолом светились мелкие точки, и казалось, что это далекие галактики, какие при желании можно разглядеть через телескоп.

Руслан сидел верхом на стуле, уперев подбородок о скрещенные ладони, я - напротив.

- Ну, вот, - сказал, не разжимая губ, так, что голос прозвучал прямо в голове, - теперь все у тебя будет в порядке.

- Не понимаю, - так же немо, спросила я. - Что вообще это всё было?

Иномирнин склонил голову набок излюбленным движением.

- Я исполнил твое желание, только и всего.

- И что я желала? - недоуменно развела руками.

Руслан задумался.

- Его тяжело сформулировать, потому что оно было прямым энергетическим посылом, без четкой формы. В первую очередь ты хотела счастья, но не такого, какое дается простой ценой, почти задаром. Ты хотела сама прийти к нему, через испытания и сложности. Подсознательно подозревая, что то, что досталось через боль, будет больше цениться. Да, Мирослава, именно поэтому я решил явиться, помочь. Знала бы ты, - закатил глаза гость, - сколько тысяч раз на дню, слышатся просьбы. Выполнить их все можно щелчком пальцев, но, это было бы слишком просто, и - не вполне честно, - он замолчал, улыбнулся шире.

За его спиной космос поглотил противень и электрический чайник.

- Ты - Бог? - поинтересовалась, как и в прошлый раз - мысленно.

Будь это все реальностью, а не сном, я бы или похолодела от ужаса, или спятила. Но, мне было на удивление спокойно и хорошо. Умиротворенно.

- А что такое - Бог? - лукаво прищурился гость. - Я - тот, кто может выполнять желания, но делает это отнюдь не всегда.

- Хорошо, - кивнула я, - но, что именно ты сделал?

- Сделал так, что ты будешь счастлива. Долгие годы, до самой старости. Да, конечно с ним, со своим обожаемым Даниилом, можешь не спрашивать, - хлопнул в ладони Руслан.

- И, мы больше не встретимся с тобой? - взгрустнулось мне.

Как не крути, а привязаться успела.

- Как знать, - загадочно протянул гость, - может, свидимся, когда твои щеки прорежут морщины, и ты, Мирослава, пожелаешь обрести вечную молодость, - он откровенно засмеялся, явив милую ямочку на щеке. От смеха в комнате сделалось светлей.

- Спасибо, - протянула руку и тронула Руслана чуть выше запястья.

Он кивнул, лучась довольством.

- Мне понравилось у тебя в гостях. Ты - настоящая. Забудь, что назвал тебя посредственной - это было частью легенды.

Я кивнула, чувствуя, как по животу разливается тепло, распространяясь и по конечностям,

затапливая. Это был чистый восторг, радость.

Вокруг нас с Русланом не осталось ничего из прежней обстановки – все поглотил космос. Даже стол, что стоял между нами, воспарил и исчез где-то в вышине.

- Что ж, прощай, Мирослава, и, кстати, та задумка с маками.... Воплоти ее, - Руслан подмигнул и исчез.

Не успела ответить, как стул подо мной тоже взлетел, уходя куда-то в сторону, а я – ринулась вниз, в бесконечную темноту космоса, вопреки всем законам физики.

Проснувшись от падения, кажущегося до реального стремительным. Открыла глаза в гостиной Даниила, провела рукой по лицу, вздохнула.

На улице еще было темно. Юркнула из постели, стараясь не побеспокоить Даню. Прошла на кухню, попила воды и остановилась у окна. С неба сыпал снег – первый, пушистый, частый.

Подняла лицо к темным небесам и от всей души, сказала:

- Спасибо.

Эпилог.

Вокруг, насколько хватало глаз, цвели маки. Бескрайнее поле с колосющимися от мягкого ветра, цветами, радовало глаз разными оттенками красного. Где-то вдалеке росли у воды пышные деревья, сплетаясь корнями глубоко в почве, окруженные клевером и другими полевыми растениями. У берега реки, на высоком склоне, стоял небольшой бревенчатый дом.

Мы шли именно к нему – временному жилищу, налегке, оставив в машине все ненужное. Даниил нес за спиной рюкзак с необходимым провиантом, а большего не требовалось. Настал долгожданный уик-энд посреди дикой природы, где отдыхали только мы, и резвился степной ветер.

От звучащей в голове мелодии захотелось закружиться и упасть в этот цветущий ковер из маков. Пряный воздух кружил голову, слова песни так и желали пролиться, выплеснуться в это теплое утро.

И, я не стала неволять себя. Закружилась, смеясь, потом запела. Даниил бросил рюкзак в траву, подхватил за талию, и упали мы вместе. Хохоча и толкаясь локтями.

В вышине синело бесконечное небо, с неторопливо плывущими пушистыми барашками облаков.

- Даня, - позвала я.

Муж повернул голову, глянул вопросительно.

- Здесь так хорошо!

Кивнул.

Мы еще немного полежали, а когда солнце стало припекать вполне по-летнему, а жуки с

цветов принялись садиться на нас (когда один такой – зеленый, крылатый, толстопузый, приземлился мне на грудь, тишину поляны потревожил весьма пронзительный писк, вспугнувший птиц и разнообразных мошек), то поднялись и зашагали к дому.

Внутри было чисто и прохладно. Аскетичное убранство, никаких лишних деталей.

- Где ты узнала об этом месте? – покрутил головой Даниил.

- Да уж, пришлось постараться, - покрутила носом я, - на что не пойдешь, ради уединения и отсутствия мобильной связи.

- У меня есть три-джи, - показал муж язык, разом скинув улыбкой десяток лет.

Как подросток, ей-Богу.

- Отдай, - ткнула пальцем в живот, а Данила рассмеялся и попытался выкрутиться.

- Нет, ну а вдруг мне позарез понадобится интернет.

- Даня, - насупилась я, принимаясь за щекотку.

Муж засмеялся, но испугаться не смог – найти достойную управу на моего толстокожего бизона было весьма непросто.

- Ладно, ладно.

Выходные выдались насыщенные и нескучные. Вода в речке оказалась прохладной, но мы все равно плескались, а потом отогревались на теплой медвежьей шкуре, ласкаясь до исступления. Вкусно, сытно ели, дурачились. Говорили о разном.

Даниил дремал, прижимая меня широкой ладонью к горячему боку, а я предавалась воспоминаниям.

Минуло четыре года после всех случившихся событий.

Мы поженились через месяц после возвращения (примирения), и все это время жили под одной крышей, деля постель, быт, налаживая отношения.

Нельзя сказать, что все было гладко в первый год, нет. И ссорились, почти до драк, и кричали, срывая голоса. Притирались, заново узнавали друг друга. Ревновали до безумия, схватывались взглядами практически насмерть. А потом мирились так, что штукатурка с потолка сыпалась. Хорошо, что в большом доме жили мы одни – некому было роптать.

Насколько мне известно, Даниил завязал якшаться с секретаршами, телеведущими, моделями и всей этой светски-тусовочной братией. Это случилось после того, как в моем паспорте сменилась фамилия, а немного погодя еще и поступило предложение от известного в нашей стране молодого бизнесмена (с восточными корнями) погостить в его Дубайском особняке неделю-другую. Одной, без супруга.

Письмо как полагается, доставил курьер, лично в руки. На дорогой тисненой бумаге яркими завитушками высокопарно значились все мои достоинства и красоты, а в завершении – такие комплименты, от которых алели щеки.

Даниил с этим бизнесменом был лично знаком, а о нашей свадьбе гремели некоторые газетные

издания, поэтому никакой ошибки случиться не могло. В гости ждали именно меня, и скорей не из-за неземной красоты, которой я была наделена в придачу к скромности, а для того, чтоб щелкнуть Даню по носу.

Я смеялась и грозилась принять предложение, если появится хотя бы намек на молодую секретаршу. Даниил злился, никак не мог унять бушующую ярость по отношению к вероломному коллеге, грозил кровавой расправой, но до нее не дошло – бизнесмен сам приехал в гости, покаялся в неудачной шутке, подарил свадебный подарок, и хлопнул по-братски Данилово плечо.

Но, вся суть в том, что к тому времени, пока весь этот балаган разрешился, муж от секретарш действительно поотвык.

Если говорить серьезно, полагаю, что Даня прекрасно осознавал – именно это обстоятельство: частые связи на стороне, которые даже не считались изменами, поскольку нисколько не скрывались, в первую очередь вынудило к отчаянному бегу по кругу.

А может, он просто перебесился, утешившись тем, что приобрел.

Я выучилась, устроилась ландшафтным дизайнером в популярную фирму (подозреваю, немалую роль сыграла фамилия и шумиха в газетах). И заказы принялись сменять друг друга, пока я трудилась, не покладая рук.

Через полгода после бракосочетания Ольга прислала открытку с короткой припиской: « так и знала», а я швырнула ее в камин, не удосужившись ответить.

Много чего случилось за эти годы – хорошего, забавного. Разного.

Не изменилось одно – любовь к этому шикарному мужчине, что сейчас крепко и властно прижимал меня к себе. Наоборот, чувства разрослись, пустили крепкие корни.

И, я больше не сомневалась в нем. Знала, что любит.

Очень часто бывает, что люди любят нас, пока мы воюем с собственными демонами и пытаемся побороть ветряные мельницы. Любят, пусть не так, как нам бы этого хотелось, но оттого не менее горячо и истово.

Даниил перевернулся на спину, под его весом скрипнула кровать, а он так тесно увлек меня за собой, что пришлось закинуть не него ногу (совершенно собственническим образом).

Кстати, за прошедшее время больше ничего из «эдакого» загадывать не приходилось, потому что самое главное уже случилось, сбылось. А по мелочи, желания продолжили исполняться – поцелуй любимого, зеленая волна по дороге на работу, прохладный ветер в знойный июльский день.

Чего еще счастливому человеку желать?

В очередной раз прошептал «спасибо» Руслану, кем бы он ни был: за то, что смог расслышать отчаянный лепет моего желания, более того – исполнить его, я улыбнулась и закрыла глаза.

Знала – волнующее многих людей «завтра» ничего для нас с Даниилом не изменит. Мы будем любить друг друга, и будем счастливы.

Вечно.

Август, 2015.

mir-knigi.org